

Космос

3
МАРТ
1959





ЦВЕТЫ

Маргарита Штиглиц, 12 лет.

Костёр

3
МАРТ
1959

Ежемесячный детский журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

«ПОВЕСТЬ ОБ АТЛАНТИДЕ»
Ю. Томина, «РАССКАЗЫ О
МЛАДШЕЙ СЕСТРЕ» З. Тумановой,
«ПОДШЕФНАЯ БАБУШКА»
С. Богуславской, «ГАК И БУРТИК
В СТРАНЕ БЕЗДЕЛЬНИКОВ»
С. Сахарнова, «СКВОРЦЫ»
Б. Сергуненкова.

✱

СТИХИ

«МОЛОДОЙ ДЕДУШКА»
Ю. Яковлева, «ПИОНЕРКА», «БЕРЕЗЫ»
Наташи Ксенофонтовой.

✱

ОЧЕРКИ

«УМИРАЕМ, НО НЕ СДАЕМСЯ»
Г. Набатова, «ПУСТЬ ГОРЯТ
КОСТРЫ» И. Туричина, «ЧТО ДЕЛАЕТ
РЕЖИССЕР» О. Ремеза,
«ЗАРЕВО НАД ТАЙВАНЕМ»
Ю. Кузнеця и Е. Тепера.

✱

У КОСТРА

✱

СЛУШАЙ, «ТАВОРТЮЗ!»

✱

СПОРТ

✱

На обложке рисунок А. Пахомова

На титуле:

скульптура Юры Лернера, 6 кл.
„Метелица“,

скульптура Ани Державец, 8 кл.
„На стройке“





УМИРАЕМ, НО НЕ СДАЕМСЯ

Г. Набатов

Рисунки Ю. Данилова

Саша Виноградский, ученик 11-й средней школы Витебска, гулял с товарищами в окрестностях города. В овраге он нашел небольшую металлическую трубку. Мальчик очистил ее от липкой глины и увидел: один конец

трубки сплюснен и плотно загнут. Саша обломал другой конец — из трубки выпала крохотная бумажка.

На ней было написано: «Умираем, но не сдаемся. 1942 г.»

Кто и при каких обстоятельствах написал эту записку и вложил в трубку?

Ответ удалось получить много позже, после того, как записку подвергли специальному анализу. «Текст написан не чернилами, а... кровью», — так заключили эксперты.

Поблизости от того места, где найдена трубка, когда-то находилось гитлеровское гестапо. В 1942 году в его застенках томились участники подпольной коммунистической ор-

ганизации. Их расстреляли в том же году, в этом самом овраге.

Кто именно из подпольщиков написал записку, до сих пор не установлено: автор не указал ни фамилии, ни имени. Но документы позволяют восстановить другое: в каких условиях и как боролась против врага эта подпольная организация, которую возглавляла Вера Хорунжая.

УПОЛНОМОЧЕННАЯ ЦК

...Когда в первых боях против фашистских захватчиков погиб муж Хорунжей, а детей эвакуировали, Вера, вопреки уговорам родных, потребовала, чтобы ее послали на подпольную работу.

«Теперь, — писала она в ЦК партии, — мое место как человека, прошедшего большую школу нелегальной работы, только во вражеском тылу».

Впервые она стала подпольщицей, когда ей исполнилось двадцать лет. Ее избрали тогда секретарем Центрального Комитета комсомола Западной Белоруссии. Это было в 1924 году.

Два года она собирала в панской Польше молодежь, создавая в городах и селах комсомольские ячейки. Опасность подстерегала ее на каждом шагу. В 1926 году польским жандармам удалось, наконец, ее выследить. Веру арестовали. Фашистский суд приговорил ее к десяти годам каторги. Но в 1932 году правительство СССР добилося освобождения Хорунжей и переправило ее в Советский Союз.

Ровно через десять лет партия направила ее уполномоченным ЦК в оккупированный Витебск.

ЯВОЧНАЯ КВАРТИРА

...На контрольном пункте, солдат осмотрел их с головы до ног, заглянул в сумки с овощами и, проверив пропуск, коротко бросил: — Gut.

Они быстро миновали главные улицы, где там и тут валялись куски кирпича, хрустело под ногами битое стекло. Каменные дома давно были превращены в груды щебня, а деревянные — разобраны на топливо.

Свернули в Кривой переулок. Тут доживали свой век приземистые домишки, выстроенные дедами или прадедами. У древней липы женщины остановились. Огляделись. Связная шепнула: — Здесь, — и мигнула в сторону домика

с крохотным палисадником, обнесенным дощатым забором. Вера постучалась в дверь.

«Ожидать долго мне не пришлось, — сообщила потом Хорунжая в зашифрованном письме. — Через несколько минут из сеней выглянула старушка. «Я принесла вам метрику», — тихо произнесла я условный пароль. «Давно жду», — спокойно ответила бабушка Маша (так звали хозяйку тайной явочной квартиры) и увела нас в дом».

Теперь предстояло самое трудное — найти нужных людей, связаться с ними. А вдруг ее не примут с открытым сердцем? В оккупированном городе все может быть...

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Возвращаясь с «явки», Вера столкнулась с патрулем. Она кинулась бежать. Солдаты выстрелили в нее, но не попали — было темно. Хорунжая металась по незнакомым дворам, перелезала через заборы, перебегала улицы и очутилась, наконец, на Сенной площади.

Первое, о чем она подумала в эту минуту, было: «Куда спрятаться?» Вера осмотрелась. Метрах в двадцати — деревянный дом, за ним пустырь, а там еще домик. В нем живут две женщины-учительницы, с которыми она случайно познакомилась на базаре. Хорунжая

бросилась вперед. «Добежать бы только!»
Обернулась — никого нет. Она постучалась в дом с черного хода. Прошло несколько минут, пока ей открыли. А на площади уже раздавались тревожные свистки.

— За мной гонятся, — шепнула Вера.

Она стояла перед учительницами бледная, с копной серых, рано поседевших волос.

Женщины ни о чем не расспрашивали, спрятали ее в подвальном помещении, в пу-

стой бочке из-под капусты. Утром Вера ушла, а поздно вечером вернулась снова: на старой квартире был обыск. Искали Хорунжую, но не застали. Забрали ее связную.

Женщины накормили Веру, напоили чаем и оставили жить у себя...

«...Медленно, осторожно создаем организацию из местных людей. Дело очень трудное, особенно вначале. Но мы фашистов все-таки проведем. Хороших людей много...»

УДАРЫ ПО ВРАГУ

Очень скоро враг почувствовал удары подпольщиков.

Центральный штаб партизанского движения поручил Хорунжей и ее группе организовать наблюдение за Витебским аэродромом — крупнейшим аэродромом центрального фронта.

Легче было, пожалуй, пролезть в игольное ушко, чем пробраться сюда, на аэродром, постороннему. Все оцеплено проволокой. На каждом шагу — часовые. Даже приблизиться к аэродрому без пропуска небезопасно — днем и ночью ходят патрули...

Долго Вере не удавалось подобрать наблюдателя. И вдруг она узнала, что невеста одного из подпольщиков работает на аэродроме официанткой!

Теперь Хорунжей было всегда точно известно, какие самолеты находятся на аэродроме, какие в боевом вылете, какие получены машины новых марок, где хранятся боеприпасы.

«...Сегодня на аэродроме 71 самолет. Прибыло пять машин новой конструкции. Управляются одним пилотом. На вооружении три пулемета. Большая грузоподъемность. Скоро пришлю подробное описание...»

«...Сведения о подземных ангарах не подтвердились. Есть только бомбохранилище на глубине в 9 метров, почти в центре аэродрома, возле оврага и картофелехранилища...»

«...Теперь на аэродроме 150 самолетов. Стоят очень тесно... Пятнадцать новых самолетов стоят отдельно, направо от входа. Возле сгоревших домов — горки бомб, замаскированных соломой. Надо бомбить, бомбить...»

И через несколько дней:

«Не знаю еще окончательно результатов (сообщу завтра). Но, я вижу сейчас, как

в трех местах полыхают пожары, и слышу, как беспрерывно рвутся снаряды. На аэродроме бомба попала в склад боеприпасов. Оглушительный взрыв потряс все вокруг. Десятки самолетов сгорели, не успев подняться в воздух».

Неделей позже в Витебск приехал новый начальник противовоздушной обороны. Вступая в должность, гитлеровец заявил на полуразрушенном аэродроме, что с этого дня ни один советский самолет не появится над городом. Именно в этот день и произошла новая бомбежка, какой город еще не видал.

Подпольная организация разрасталась.

На лесозаводе выведена из строя часть станков. Сорван фронтонный заказ. Возле железнодорожного моста взорвался на минах состав с бензином. Сгорело тридцать цистерн! На строительстве укреплений обвалилась земля и задавила десять гитлеровцев.

Все это не случайные происшествия. Каждая диверсия — дело рук членов подпольной группы Веры Хорунжей. Кого именно, мы, к сожалению, не знаем. Должно быть, из конспиративных соображений в донесениях и письмах не названы фамилии героев.

* * *

«Здесь есть чудесные люди, — писала Хорунжая в ЦК из оккупированного Витебска. — Они непоколебимы в своей любви к Родине и ненависти к врагу. Что с ними ни случилось бы, они останутся советскими людьми...»

Такими людьми были Вера Хорунжая и ее боевые товарищи.

Они умирали, но не сдавались...

1959-1965



Ты еще никогда не читал такой увлекательной книги. Она рассказывает о том, какой станет наша Родина через семь лет. Рассказывает на языке цифр.

Сейчас ты увидишь, какие это интересные цифры.

Космическая ракета и обыкновенное перо. Огромный корабль и крохотные часы. Сложная машина и простая иголка. «ТУ-114» и чайная ложечка... Зачем художник собрал их вместе? Что у них общего?

Они сделаны из металла.

Металл — основа народного хозяйства, фундамент нашей Семилетки. Сильна ли, богата ли страна, судят прежде всего по тому, сколько она производит металла.

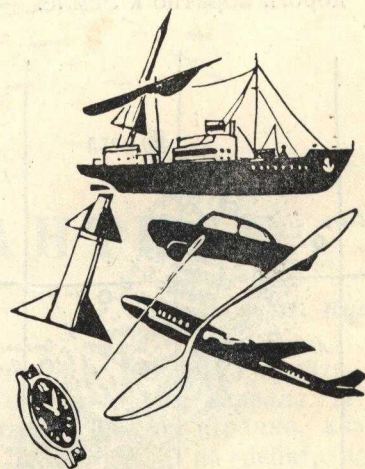
В ВОСЕМЬ РАЗ МЕНЬШЕ по сравнению с Соединенными Штатами Америки выплавляла стали царская Россия. Далеко впереди нас шли тогда Англия, Германия, Франция. Даже серпы и косы ввозились к нам из-за границы. Недаром Россию называли «соломенной», «деревянной».

А ТЕПЕРЬ?

Один Магнитогорский завод дает стали и чугуна больше, чем вся Россия до революции. А все наши заводы в прошлом, 1958, году выплавили пятьдесят

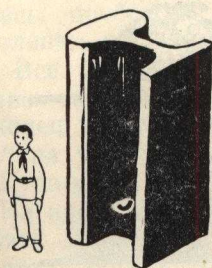
пять миллионов тонн стали. Мы обогнали теперь и Англию, и Германию, и Францию. От США отстаем уже не в восемь, а меньше чем в два раза.

Но металла нам еще не хватает.



70 МИЛЛИОНОВ ТОНН ЧУГУНА 90 МИЛЛИОНОВ ТОНН СТАЛИ

— вот сколько мы должны выплавить в 1965 году.
Тогда мы догоним США, а затем и перегоним.

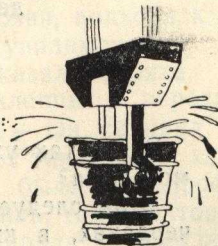


Возьми карандаш.

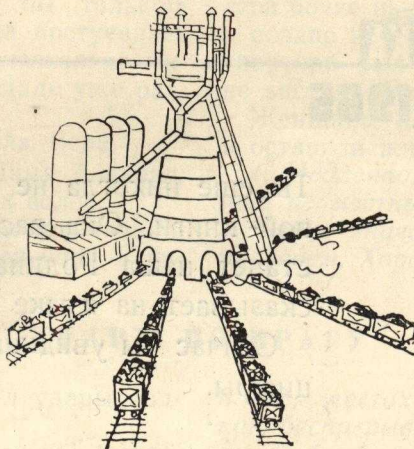
Разделим всю сталь, которая будет выплавлена в 1965 году, между всеми жителями Советского Союза. Сколько достанется каждому?

Почти по полтонны!

А до революции на каждого жителя России приходилось всего по тридцать килограммов...



Один процент — сотая доля, небольшая частица целого. Но из одного процента всей стали 1965 года можно будет сделать... **триста тысяч** грузовых автомобилей. Из одного процента! А если всю сталь пустить на автомашины? Тогда «Москвичей», например, можно было бы выпустить **сто двенадцать миллионов**. Такая автоколонна протянулась бы от Земли до Луны и еще на полдороги обратно к Земле.



ГДЕ РОЖДАЕТСЯ МЕТАЛЛ? Где начинается он свой путь?

В доменной печи. Там плавится и превращается в чугун руда.

Печь-великан за одни только сутки пожирает около шести тысяч тонн угля и руды — **шесть** железнодорожных составов!

Но зато она и работает по-богатырски — дает за сутки столько металла, что из него можно сделать или **240** гусеничных трак-

торов, или **1 300** автомобилей «Победа», или **15 000** мотоциклов.

За **одни** сутки — **одна** домна! А их у нас и сейчас много, будет еще больше.

ХВАТИТ ЛИ РУДЫ?

Железной рудой мы в три раза богаче, чем США, Англия, Франция и Западная Германия, вместе взятые. По рудным запасам Советский Союз стоит на **первом** месте в мире. Особенно много руды в КМА.

КМА? ЧТО ЭТО?

Найди на карте Курскую, Орловскую, Белгородскую области. Там, глубоко под землей, спрятан чудо-сундук, в сотни километров длины и ширины. «Сундук» весь набит железной рудой, ее хватит на столетия. Это место называется **КУРСКАЯ МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ**.

Конечно, руда сама в домну не полезет. Раскрывать сундуки с сокровищами нелегко. На это потребуется много труда и сил. Но советские люди это сделают.

И ТЫ МОЖЕШЬ ПОМОЧЬ СТАРШИМ. ЧЕМ?

Собирай металлолом.

Допустим, твой отряд собрал тонну лома. Его переплавят в мартенах. Из полученной стали можно будет сделать

девяносто швейных машин

или

десять мотоциклов

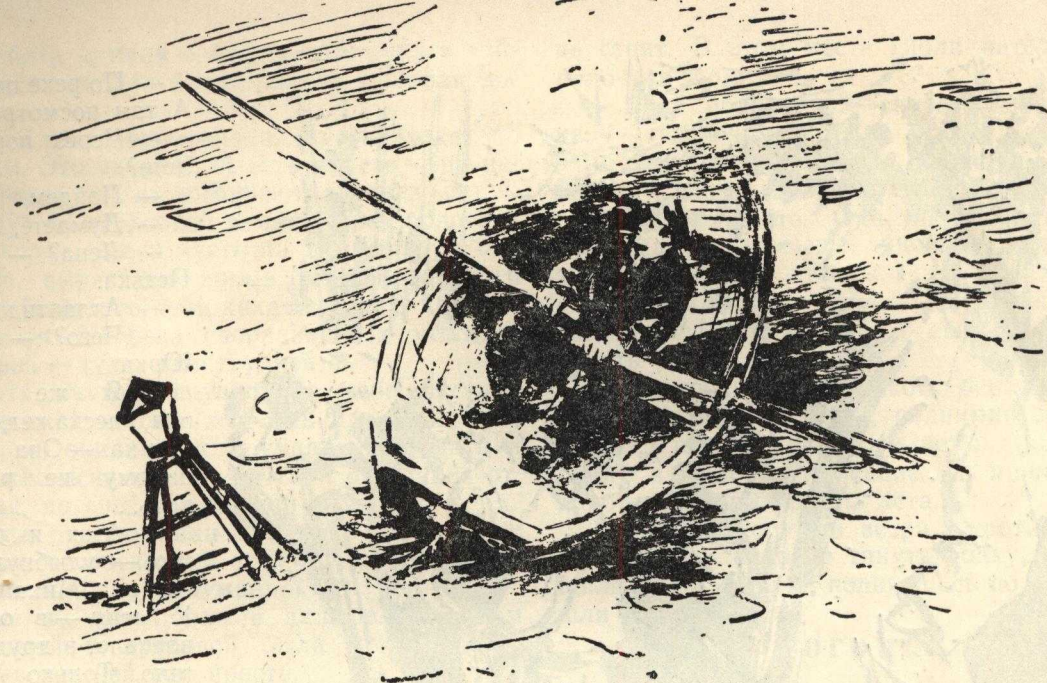
или

пятьдесят велосипедов

Разве так уж трудно собрать тысячу килограммов лома?

Как следует пошарь в домовых закоулках, на чердаках, в квартирах. И твоя маленькая цифра вольется в мощный поток огромных, величественных цифр Семилетки.





ПОВЕСТЬ ОБ АТЛАНТИДЕ

Ю. Токин

Рисунки Н. Кустова

ЭКСПЕДИЦИЯ УХОДИТ

В лагере царил беспорядок; уже не было ни балка, ни трактора. Рабочие вьючили лошадей, увязывали, укладывали экспедиционное имущество и по двое, по трое уходили в тайгу. На поляне стояли аккумуляторы, приборы под чехлами, валялась прогоревшая печка. Палатки сняли. Лишь прямоугольники пожелтевшей мятой травы указывали место, где они когда-то стояли.

Среди этой суматохи ребята чувствовали себя ненужными, особенно Петька в своей новой светло-голубой рубаше. Впрочем, на них не обращали внимания. Только Сергей Михайлович кивнул им издали, да Тоня поздоровалась, пробежав мимо. Они потолкались на поляне, обошли ее кругом. Лены не было. Все были так заняты, что ребята не решились спросить, где она.

Наконец к ним подошла Тоня.

— Лена уже ушла, мальчики.

— Куда ушла?

— На новое место. Там ее отец.

Ребята думали, что Тоня сейчас скажет о том, что Лена их ждала и, уходя, просила

передать привет и просила прийти, если можно. Но Тоня ничего не сказала. И вообще она выглядела как-то странно, казалась расстроенной и смотрела на ребят, поджав губы, будто сердилась.

— Она ничего не говорила? — не вытерпел Юрка.

— Ничего... — Тоня помолчала. — Знаете, мальчики, у Лены большое горе: умер профессор Филатов. Мы только вчера узнали. А ведь она так надеялась... Мы не хотели ей говорить, но она случайно услышала, — Тоня, махнув рукой, отошла в сторону.

Ребята повернулись и молча пошли к реке. Их окликнули.

— Что ж вы уходите, не попрощавшись? — сказал Сергей Михайлович, подходя к ним. — Больше, возможно, не увидимся.

— До свидания, — сказали ребята.

— Всего хорошего, хлопцы. Я передам Лене, что вы приходили. — Он сдвинул брови, словно вспоминая. — Вот такое дело, хлопцы... У нее только и свету было, что профессор. Она ведь недавно ослепла, года полтора. Они с отцом все деньги собирали на поездку. Матери у нее нет. Отец к нам нанялся, чтобы заработать побольше. Осенью собирались ехать...

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 1959 год.



— Что уж теперь ехать... — сказал Петька хмуро.

— Нужно ехать, — твердо проговорил Сергей Михайлович. — Человек умер, а дело его не умерло. Остались ученики, осталась клиника. Суть не в этом. Понимаете, хлопцы, что значит, когда теряешь надежду? Лена верила в профессора, понимаете? Не в дело его, а в него лично... Она знала одно: Одесса, профессор Филатов и — через месяц она здорова. Теперь нет профессора. Она плачет, и мы ничего не можем с ней поделать.

По тому, как произнес Сергей Михайлович это «мы», ребята поняли, что несчастье Лены — несчастье общее. Видно, так полагается у тех, кто живет бродячей и трудной жизнью: они привыкли делить работу и хлеб, и горе на всех поровну.

— Ну, а вы, путешественники, далеко собрались? — спросил Сергей Михайлович.

— По реке поплывем. А там посмотрим.

— Через порог пойдете?

— Пойдем.

— Думаете, там она?

— Лена? — спросил Петька.

— Атлантида...

— Чего? — спросил Юрка.

— Я же говорил: она расскажет, — сказал Димка. — Она обещала никому не рассказывать...

— А я и есть никто, — улыбнулся Сергей Михайлович. — У меня — в одно ухо влетело, в другое вылетело. Только Атлантида, хлопцы, не здесь, она на дне Атлантического океана, в районе Азорских островов. Хотя... Ученые до сих пор спорят о том, где ее искать. Одни помещают ее в Средиземном море, другие — в Черном, и даже — в северных морях...

— А здесь ее не может быть? — спросил Юрка.

— Здесь? — Сергей Михайлович прищурил

сы и внимательно посмотрел на Юрку. — А может быть и здесь! — весело сказал он. — Ищите. Только не заблудитесь, чтобы вас потом искать не пришлось. Вот, возьмите, — он протянул им компас.

— У нас есть компас.

— Такого нет.

Такого компаса — как часы, с ремешком, у ребят действительно не было.

— Ну, прощайте. Может, встретимся... Спасибо вам за Лену.

— Почему — за Лену?

— Подрастете — поймете, — Сергей Михайлович по очереди пожал всем руки и ушел.

Через несколько минут последняя цепочка рабочих скрылась в тайге. Постепенно замолкли их голоса, и тогда стали слышны другие звуки: шелест высокой травы, скрип стволов и птичье крикливое веселье.

А ребята думали о людях, ушедших в тайгу. Эти люди шли напрямик, не выбирая дороги.

Дороги соединяют города. Многие ходят по дорогам. Это удобней. А есть другие — их целое племя, они не выбирают гладких путей, они идут по неудобной земле: через болота и горы, через леса и пустыни. Но там, где они прошли, вырастают новые города, остаются дороги. Наверное, есть какая-то сила, которая заставляет человека сворачивать с утоптаных троп — туда, где трудней.

Ребята смутно ощущали в себе частицу этой силы. Им тоже хотелось идти вперед и искать, но они не знали, куда нужно идти и что нужно искать. Они мечтали о великих открытиях, но еще не открыли самих себя.

А еще они помнили о Лене. Рядом с ее большим человеческим горем Атлантида казалась немножко выдуманной.

И все же они поплыли дальше. Слишком заманчивой и красивой была мечта, чтобы расстаться с ней так просто.

Дул холодный ветер. Река взъерошилась, как ковер, который погладили против ворса. Над землей плыли рыхлые сероватые облака — предвестники непогоды. Перед порогом течение стало быстрее. Приходилось часто сменяться на веслах.

Плескалась вода, разбиваясь о нос лодки. Звонкие мелкие волны дробно и часто шлепали по бортам. На поверхности реки стали появляться воронки. Временами казалось, что весла хватает кто-то под водой, дергает, мешая грести.

Порог открылся перед ними — с камнями, окутанными гривой пены. Вода металась между камнями, побелевшая, словно от ярости. Лишь в середине оставался узкий проход, куда вспухшая река вливалась тугим жгутом.

Вдоль берега, босиком, оступаясь на скользких камнях, ребята тянули лодку.

— Обратно будет легко! — Петька кричал. Здесь нельзя было разговаривать тихо. — Спустимся по фарватеру!

Юрка и Димка замотали головами. Они не против приключений, но с порогом шутить

не стоит. В этом месте гибли катера. А бывало — и люди.

— Вода поднялась! — снова закричал Петька. — Проскочим...

Вода действительно поднялась. Где-то наверху шли дожди. Река распухала на глазах, как тесто. Она облизывала берега, поднимаясь все выше, уносила гнилые скатившиеся сверху стволы.

Ребята прошли порог, но течение было таким сильным, что долго еще им пришлось тянуть лодку бечевой.

Ветер крепчал. С высокого берега он нырял в реку, как в колодец, поднимая суетливую волну. Упорный северный ветер, родившийся где-то в Ледовитом океане, он принес холод короткого заполярного лета.

Ребята шли против ветра и против течения. Наконец им надоело тянуть лодку, они вытащили ее на берег и, поднявшись по откосу, вошли в тайгу.

ОГОНЬ

Тайга гудела под напором ветра. Ветер действительно разгулялся не на шутку. Он дул упорно и ровно, как будто там, у берега океана, открылась гигантская дверь, выпустив на волю невиданный сквозняк.

Над тайгой торопливо бежали к югу низкие грязноватые облака. Сосны, голые с северной стороны, тянули свои искривленные ветви. Все подчинялось сейчас ветру. Лишь солнце, наперекор, с разбегу ныряло в облака и, казалось, несло на север.

Раньше ребята никогда не заходили в тайгу так далеко. Здесь начинался необжитый, уютный лес, без дорог, без троп. Местами он был так плотен, что старые деревья не могли упасть и умирали на весу, опершись на ветви соседей. На полянах стояла уже подсыхающая и потому звонкая трава. Она была выше ребячьего роста. В глубине леса среди стволов блуждали синеватые тени. В неподвижности тайги было что-то вечное и пугающее.

Но ребята родились и выросли здесь. Они знали, что тайга — это тайга. И не более. Они



знали, что все, имеющие уши и ноздри, разбегаются от человека, идущего по тайге. Только очень осторожным и терпеливым удастся увидеть лес таким, какой он есть. И уж, конечно, у ребят не было никаких страхов. Они просто не думали об этом.

Перешагивая через лесины, они брели на север. Трава смыкалась за ними. Идти было трудно. Потому они двигались молча и шли до тех пор, пока им не стало казаться, что они идут очень давно, и, наверное, река осталась далеко позади.

На самом деле они прошли километра два.

— Что же мы все идем да идем... — сказал Димка. — И ничего нет.

— А ты думал тебе сразу все будет!

— Есть хочется, — настаивал Димка, — а картошку в лодке оставили. И крупу тоже. Если будет дождь, крупа вымокнет. Пойдем обратно.

Ребята давно уже чувствовали усталость и голод. И когда Димка сказал об этом, всем стало легче, потому что никто не хотел признаваться первым.

Но идти обратно значило все-таки идти, а они устали и потому сначала легли на траву и несколько минут лежали молча. И вот тут Юрка впервые почувствовал, что игра, кажется, приходит к концу. А еще он подумал, что искать интересно тогда, когда что-нибудь находишь, хотя бы изредка.

Петька же думал о том, что если бы с самого начала они направились на восток и шли весь день, то, может быть, догнали бы экспедицию. Тогда он сказал бы Лене, что в Одессу ехать обязательно нужно потому, что надеяться и искать все-таки лучше, чем сидеть на месте.

А Димка думал о Закарпатье, в котором, как говорили, и зимой полно фруктов. Больше о Закарпатье он ничего не знал, даже не знал, где оно находится.

Так они лежали, усталые, и молчали, пока не ощутили какую-то перемену в тайге. Сначала — неуловимую. Это было движение, звуки которого вплетались в гул ветра. Они чувствовали, что оно — кругом.

— Гляди! — крикнул Петька, посмотрев наверх.

Вёрхом, навстречу ребятам, шли белки. Их было очень много. Ярко-рыжие, почти красные, и просто рыжие с темными хвостами, и коричневые с полоской вдоль спины.словно подгоняемые ветром, они катились по веткам и, встречая пустоту, точными прыжками переносились на другое дерево. Там, где расстояние было слишком велико, они винтом спускались вниз по стволам и перебежали

по земле. Движения их были суетливы: каждая пробежка — цепочка коротких и резких прыжков, они двигались не только вперед, но, казалось, без цели сновали вверх и вниз по ветвям. И все же в этом движении было направление и был смысл. Они шли к реке.

Великое переселение белок!

Ребята вскочили на ноги, и сразу поток разделился на два рукава, обтекая место, где они стояли, но не задержался ни на секунду.

— Они убегают... — шепотом сказал Димка. — Чего они испугались?

— Как много!.. — сказал Юрка.

Затем ребята увидели лося. Он пробежал совсем близко — грузный и бесшумный. Он даже не повернул к ним головы, словно они пни, а не люди.

Ребята стояли изумленные и встревоженные. Какая-то непонятная сила привела в движение лес; он больше не таился от людей, и, значит, сила эта была страшней человека.

— Чего они боятся? — спросил Петька.

Запах гари докатился до них. Теперь не нужно было ни объяснять, ни спрашивать. Не было никакой таинственной силы. Просто горел лес.

Над деревьями проносились полосы дыма, пока еще призрачные и легкие. Ребята посмотрели назад, где воздух был еще прозрачен, затем — вперед, где уже начали туманиться контуры стволов...

Им хотелось убежать. Им хотелось остаться.

Мальчишки любят огонь. Взрослые тоже любят, хотя и притворяются, что костер в лесу — необходимость, а не развлечение. Кому из тех, кто бродил по лесу, хоть раз в жизни не приходилось складывать кучу хвороста в десять, в двадцать раз больше, чем нужно. И не затем, чтобы сварить еду, а просто так — посмотреть, что получится. Стоит, прикрывая лицо локтем от нестерпимого жара, и улыбается...

Сейчас огня не было ни сбоку, ни сзади. Дорога для отступления открыта. Это успокаивало. Ребята двинулись вперед. Они хотели только взглянуть и уйти.

Чем дальше они шли, тем плотней становился дым. Почему-то пропал ветер; он поднялся наверх, а внизу стало тихо. Низины, заполненные дымом, были похожи на озера. Мальчишки переходили их вброд и облегченно вздыхали, выйдя на высокое место. Внизу было тихо. Но тишина — не такая, как раньше. Теперь лес не таился, он был пуст. Голубой туман висел в воздухе, и деревья,

будто одурманенные этим туманом, стояли поникшие и безучастные.

Ребята думали, что они увидят фонтаны искр, пламя, идущее стеной, безумство и веселую злобу огня, от которого становится жутко и радостно. Но они видели только дым. Сначала это было просто неинтересно, потом стало страшно. Им казалось, что дым заполнил весь свет и что теперь, в какую сторону не иди, не будет конца этим белесым полам и озерам в низинах.

— Я не пойду дальше, — сказал Юрка.

Ребята остановились.

— У меня в ушах звенит от дыма, — сказал Димка.

Петька подумал секунду.

— Ладно, — сказал он, — там и дальше, наверное, нет ничего...

Петька хотел отступить с честью, но это не удалось. Снова что-то переменялось в лесу. Когда они обернулись назад, то увидели, что дымная стенка чуть колыхнулась, дымные озера полезли из берегов, ленты и полосы зашевелились. Может быть, это объяснялось случайным порывом ветра. Но в движении была жуткая согласованность.

И тогда, сорвавшись с места, они бросились бежать — плечом к плечу, стараясь ни обогнать, ни отстать, потому что сейчас каждый из них больше всего боялся остаться один.

Димка споткнулся и со всего маху грохнулся на землю. Пока он лежал, ребята успели сделать всего несколько шагов, но Димке показалось, что они удаляются быстро и навсегда.

— Стой, ребята-а-а!.. — крикнул он, вскакивая.

Они остановились.

— Дураки! — выдохнул Димка, подбегая к ним. — Не видите, что упал?!

— Не ори, — ответил Петька. — Мы тебя бросили, что ли? Видишь — ждем.

Они побежали снова.

Впереди все тонуло в белом горьком тумане. Поддавшись страху, они уже не могли остановиться и бежали наугад, туда, где было светлее.

Они бежали втроем — плечо к плечу, потом их стало двое.

Потерялся Юрка.

Он отклонился на несколько метров, чтобы обогнуть упавшее дерево. Он все время видел ребят и вдруг перестал их видеть. Нога встретила пустоту, и он покатился вниз, цепляясь пальцами за сухую комковатую землю. Он ничуть не ушибся. Все тело его было сейчас в том напряжении, когда не чувствуешь ни ушибов, ни боли. Вскочив на ноги, Юрка крикнул вверх, в серую муть, плывшую над головой:

— Я здесь! Сейчас вылезу!

Крик воткнулся в туман, как нож в песок. Он стих тут же, в нескольких метрах.

Юрка бросился вверх, но земля осыпалась под его ногами, и он побежал по дну оврага, отыскивая место, где можно выбраться.

Овраг не имел конца.

Под ногами хлюпала вода. Юрка понял, что это ручей. И понял, что остался один.

Один в горящем лесу — это все равно, что один во всем мире. Если бы у него было время, то, может, он заплакал бы... Но он торопился — нужно куда-нибудь бежать, все равно куда. И Юрка побежал вниз по долине ручья. Он взял верное направление, но не потому, что выбирал, а потому, что вниз бежать было легче.

Когда же полчаса спустя ручей вывел его к реке и он увидел стоящую у берега лодку, и ощутил тот же холодный, тугой ветер, то это показалось ему чудом — величайшим из чудес, которые бывают только во сне и которые трудно поверить.

Но тут он вспомнил о Димке и Петьке. И ему показалось уже, что не они его, а они бросили, и Юрка подумал о том, как это невозможно и страшно вернуться домой без них.

Тогда он решил, что будет ждать их здесь хоть месяц.

А потом — заплакал. Теперь у него было время для этого.

* * *

Исчезновение Юрки ребята заметили почти сразу. Но «почти» это очень много, когда летишь сломя голову.

— Стой! — крикнул Петька. — Где Юрка?

— Он тут был...
— Давай обратно!
— Ты посмотри, я здесь подожду, — сказал Димка.

Петька вернулся назад. Он помнил: когда перелезали дерево, Юрка был рядом. Петька обошел дерево, заметил овраг, заглянул в него. Там никого не было.

— Юра-а-а...

Дым спеленал звуки: лес не зазвенел, не откликнулся эхом, как прежде.

Петька подошел к Димке.

— Нет его... Давай вместе искать.

— Как же искать... — торопливо заговорил Димка. — Смотри, чего тут кругом... Мы сами не выберемся! Знаешь, Петь, он, наверное, вперед ушел.

И это объяснение вдруг показалось Петьке очень правильным. Он поверил ему сразу и без колебаний, потому что оставаться на месте было куда страшней, чем идти вперед. И они побежали дальше.

А дым становился все плотней. Он оторвался от земли, окутал стволы: все стало нереальным, расплывчатым, мутно-серым. Сами того не зная, потеряв направление, ребята бежали по большому кругу. Они уже прошли самую далекую от огня точку и теперь снова приближались к нему.

Впереди посветлело. Они бросились туда. Пелена дыма осталась за спиной, и ребята увидели огонь.

Внизу он был не буйный, а какой-то ползучий. Пламя охалками падало с верхушек деревьев, растекалось по земле извилинами, удобными для него путями. Но вверх огонь шел по кронам сосен и кедров, и в глубине леса черно-рыжие языки сливались в один лохматый костер. Дым рвался вверх, но, прижимаемый ветром, описывая плавную дугу, опускался на землю за спинами ребят.

Они стояли на краю большой поляны. Но даже здесь струи воздуха были горячими и шершавыми. Они кололи щеки тысячами иголок, и казалось, что кожа на лице натянулась до предела и готова лопнуть.

Ребята повернулись и бросились в белесую муть, из которой только что вышли. Они бежали и чувствовали, что сердце каждого из них как будто переместилось в виски. Удары пульса стучали в голове все настойчивей и громче.

Петька с разбегу влетел в какой-то куст и, запутавшись в ветвях, повис на них. Несколько секунд он не двигался. Потом крикнул:

— Димка!..

Димка оглянулся. Он даже остановился, чтобы повернуть назад. Он даже сделал один шаг по направлению к Петьке...

— Димка!.. — снова позвал Петька. Голос его был прерывистым и приглушенным.

И Димка вдруг испугался этого голоса. Жалость к самому себе пробудилась в нем — острая, беспощадная жалость. Ведь и он, Димка, мог бы лежать вот так и кричать таким голосом. Но этого не должно быть! Он еще может бежать... Он выберется... У него болит голова и стучит в висках, но он выберется...

И Димка скрылся в дыму. Он продолжал свой бессмысленный и бесконечный бег по большому кругу.

Петька видел Димкину спину. Потом она исчезла. Это было, как во сне. Сон, который можно увидеть только один раз, но который останется в памяти на всю жизнь! Только сейчас Петьке стало по-настоящему страшно. Он рванулся. Ветви отпустили его. Снова поплыла под ногами земля.

Петька тоже бежал по большому кругу...

Он потерял ощущение времени. Он утратил меру своих сил. Он бежал, пока мог бежать, потому что стоять было страшнее. Он не знал, сколько времени продолжался этот путь. Помнит лишь, что споткнулся, упал и рука его ощутила что-то мягкое и теплое. Это был Димка.

Два больших круга пересеклись в одной точке!

Димка потерял сознание, он был все равно, что мертвый. Но Петька обрадовался ему, как живому. Петька толкал его и тряс, но Димка не шевелился. Тогда Петька взял его за руку и потащил волоком по земле. У него оставалось совсем немного сил. И он вовсе не был героем... Просто Димка, даже такой, как сейчас, был нужен Петьке. Петька не хотел оставаться один — это было страшней всего.

Но сил у него было уже совсем немного. Через сотню шагов он повалился рядом с Димкой.

Они не слышали звона лопат и стука топоров. Они не видели людей, которые шли по лесу, вырубая просеку, чтобы преградить путь огню. Они не слышали голосов тех, кто звал их.

Петька, словно сквозь сон, почувствовал, как его мягко, но настойчиво трясут за плечи. Чей-то голос, далекий и назойливый, словно комариная песня, зудел в ушах: «Алёнов... Алёнов... Алёнов».

Петька открыл глаза и увидел над собой лицо учителя. Он не удивился и не обрадо-



вался. Учитель всегда караулил его. Все было правильно.

— Алёнов... Петя, где Алёнов? Ты слышишь? Где Юра Алёнов?

— Он там... — еле выговорил Петя.

— Где там? Покажи!

Но голос снова стал превращаться в писк... потом пропал совсем. Вместо лица учителя почему-то появилось лицо матери. Но и оно быстро исчезло...

ВОДА

Тот же ветер, что гнал пожар по лесу, приволок с океана тучи. В среднем течении Тунгуски шли долгие обильные дожди. Метеосводки с постов в эти дни были кратки и скучны:

«Дождь...» — вздыхала Тура.

«Дождь...» — соглашался Искуп.

«Дождь...» — уныло подтверждала Бахта.

Потоки воды стекали по лощинам, соединяясь в разбухшие ручьи, сливались в Тунгуску. Ручьи стали речушками, речушки — реками, и мутная вздувшаяся Тунгуска торопилась сбросить в Енисей лишнюю тяжесть.

Тучи, пройдя восточнее, миновали Усть-Каменск, но дождевая вода пришла вместе с рекой. Тунгуска поднялась почти как весной. Она разметала штабеля леса, сложенного на берегу, мимоходом слизнула катер, поднятый на катки для ремонта, и оборвала чалку паузка*, который стоял выше порога. На этом паузке была Лена.

Она сидела на корме в низенькой будке, заваленной мотками провода, ящиками и спальными мешками. У борта хлопала, плескалась вода. Отставший лист фанеры хлопал по крыше над головой Лены. Паузок крепился, скрипел днищем по гальке, отходил и снова ударялся о берег.

* Паузок — дощаник, небольшая плоскодонная барка.

— Ну и пусть, — шептала Лена, кусая губы. — Пусть... Так и надо...

Она чувствовала себя одинокой. Час тому назад она слышала, как звонко хохотал Леша, когда на него обвалилась палатка. «Почему он смеется? — подумала тогда Лена. — Разве это обязательно — смеяться?» Ей казалось, что после смерти профессора Филатова все



должно замереть, утихнуть, остановиться. Люди не могут, не должны смеяться, когда приходит такое несчастье. А Леша смеялся... и другие тоже.

Лена обиделась и ушла. Ей не хотелось ни с кем разговаривать. Ей хотелось быть одной.

— Ну и пусть... — шептала Лена, вкладывая в эти слова обиду на Лешу, на ветер, который хлопал фанерой, на Сергея Михайловича, который вздумал перенести лагерь в другое место, куда уже не смогут, наверное, прийти ребята.

Все было плохо сейчас в этом мире.

Толчки внезапно прекратились. Проскрежегала по борту и шлепнулась в воду доска, перекинутая с берега.

— Ну и пусть! — сказала Лена, не понимая еще, что это означает.

Она вылезла на палубу и удивилась наступившей перемене: куда-то исчезли звуки. Уже не скрипела галька под днищем, не стучала доска, смолк ветер. Только волны коротко и зло били в борта с обеих сторон.

Она поняла, что паузок сорвало течением, но даже не очень испугалась. Просто это было еще одно несчастье, не слишком большое, потому что река — не море, и где-нибудь паузок все равно прибьет к берегу. Она не знала, что ниже, в нескольких километрах был порог.

В это время Сергей Михайлович, освободившись от многих и срочных дел, отправился проведать Лену. Вместе с ним был Леша, который должен был забрать с паузка спальные мешки. Выйдя к реке, они не увидели паузка, и в первую секунду подумали, что ошиблись местом.

— Мираж! — усмехнулся Леша. — Только в миражах видишь то, чего нет, а здесь — наоборот. Так, товарищ начальник?

— Это не мираж... — бледнее, сказал Сергей Михайлович. Он увидел обрывок веревки, обвязанной вокруг корневища. — Там же порог, Леша!

Взглянув вдоль реки, они увидели паузок, плывший вниз по течению.

Без единого слова, даже не взглянув друг на друга, они бросились вперед. Ноги вязли в скрипучем песке, бежать приходилось короткими шажками, как по льду. Они перепрыгивали через камни и падали. Они не знали еще, чем и как можно помочь, они просто бежали.

— Тайгой!.. Напрямик! — крикнул Леша.

В этом месте Тунгуска делала большой крюк. Они побежали напрямик, продираясь сквозь кусты, оставляя на ветвях клочья рубашек. Ветка, отброшенная Лешей, вернулась, хлестнула Сергея Михайловича по лицу. «Хорошо, что не в глаза, — подумал он машинально. — Если в глаза, — не успеть...»

Ободранные и пыльные, они скатились с обрыва и увидели лодку. Они не раздумывали, почему оказалась здесь эта лодка, а прыгнули в нее и отплыли от берега.

— Сергей Михайлович, зачем? — спросил Юрка.

Только тут они заметили, что в лодке сидит мальчишка.

— Вылезай! — крикнул Сергей Михайлович.

Но вылезать было уже некуда да и некогда. Паузок приближался к порогу, лодка — к паузку. Они должны были спастись вчетвером или — вчетвером погибнуть.

Леша, оскалившись, бормоча что-то сквозь зубы, рвал воду веслами. Лодка с разбегу ударила в бок паузка. Лены на палубе не было. Сергей Михайлович ухватился за брус и, оттолкнув ногами борт лодки, прыгнул на палубу. Он не рассчитал толчка, лодка черпанула воды. Леша последним рывком весла успел снова прижать ее к паузку. От толчка она накренилась, хлебнула еще воды и стала медленно погружаться. Леша, стоя по колено в воде, вытолкнул Юрку на палубу паузка и, ухватившись за скобы, влез наверх. Когда Сергей Михайлович вывел Лену из будки, лодка, поблескивая оранжевыми бортами, разворачивалась на воде в нескольких метрах от паузка.

На подступах к порогу течение стало быстрее. Берега плавно и стремительно неслись мимо.

— Якорь! — крикнул Сергей Михайлович.

На носу рядом с бухтой веревки лежал самодельный якорь — большая кошка, согнутая из толстых прутьев. Леша бросился туда и, столкнув якорь в воду, торопливо обмотал конец веревки вокруг бруса.

Веревка побежала за борт. Быстро растаяла бухта. Паузок вздрогнул — веревка натянулась, но тут же ослабла. Через секунду — снова толчок, и снова паузок, дернувшись, поплыл дальше. Самодельный якорь скоблил дно, не зацепляясь.

Сергей Михайлович сжал губу. Лена почувствовала, как напряглась его рука. Леша по-прежнему бормотал что-то сквозь зубы, словно колдуя. Течение относило паузок к правому берегу, мимо фарватера — на камни.

Но вот, рванувшись, туго натянулась и задела веревка. Паузок развернуло. Заклохотала вода, разбиваясь о нос. Остановились берега. Понеслись мимо хлопья пены, мутные всплески, обглоданные водой ветки с зелеными листьями.

До порога оставалось меньше километра.

Четверо на борту по-разному приняли случившееся. Сергей Михайлович — нахмуренный, серьезный — поглядывал на берег, рассчитывая что-то. Юрка старался не смотреть на бешено мчавшуюся воду. Ему хотелось кричать. Леша ругался. Лена еще ничего не понимала.

Натянувшаяся веревка под напором воды гудела басовито и глухо. Ветер, помогая течению, натягивал ее до предела. И опять легким толчком дощаник сорвался с места, но, пробежав метров пятьдесят, снова остановился. Самодельный якорь держал плохо.

— Почему мы не плывем к берегу? — спросила Лена.

— Сейчас, Ленушка, сейчас... — озабоченно ответил Сергей Михайлович. — Мы пока встали на якорь. Нужно посмотреть, к какому берегу удобней пристать.

Заметив невольное движение Юрки, Сергей Михайлович показал ему рукой: «молчи». Юрка слабо мотнул головой. Он с отчаянием и надеждой смотрел на Сергея Михайловича, но тот сам не знал, что делать. Он подозревал Юрку, усадил рядом с Леной.

— Посидите пока... — Он старался говорить спокойно. — Сейчас что-нибудь придумаем, — и ушел к Леше.

— Ты как меня нашел? — спросила Лена. — А где остальные?

— Я... так... увидел — и поплыл... Я не думал, что ты здесь. Это — случайно.

— А где Петя и Дима?

— Они дома, — неизвестно почему солгал Юрка. Затем он подумал, что самое главное сейчас, чтобы Лена ничего не узнала. Юрке было страшно, но он старался подавить в себе страх. Это как бы снимало с него часть вины за то, что двое остались в лесу. И он загово-



рил торопливо и громко, пытаясь голосом заглушить страх.

— Мы были в лагере... Ты уже ушла... Сергей Михайлович подарил нам компас... Ты приходи к нам, когда будешь в поселке. У меня есть друг — Павел, он умеет играть на гитаре...

— Ты почему так кричишь? — спросила Лена.

— Я всегда говорю громко, — ответил Юрка.

А на носу совещались Сергей Михайлович и Леша. Юрка увидел, как Сергей Михайлович снял сапоги и брюки. Затем он подошел к ребятам в одних трусах.

— Ленушка, я сейчас до берега доплыву. Понимаешь, весел-то у нас нет, лодку мы упустили. Куда еще унесет, пока к берегу

пристанем... А я веревку зацеплю на берегу — паузок и прибьет течением.

— Вода холодная, замерзнете, — поежилась Лена.

— Да, холодная... — сказал Сергей Михайлович. — Но я не замерзну, у меня подкожного жира много.

Он старался говорить весело и даже улыбался, но в глазах у него не было веселья. Юрка испуганно взглянул на него, затем — вниз, где в лохмотьях пены маячили камни порога. Сергей Михайлович перехватил его взгляд.

— Ты умеешь плавать брассом? — спросил он.

Юрка не ответил, ему было не до шуток. Но Сергей Михайлович и не ждал ответа. Разговаривая, он обвязывал вокруг пояса тонкую веревку. И Юрка понял: весь этот

что руки его двигаются слишком медленно по сравнению со стремительным бегом реки.

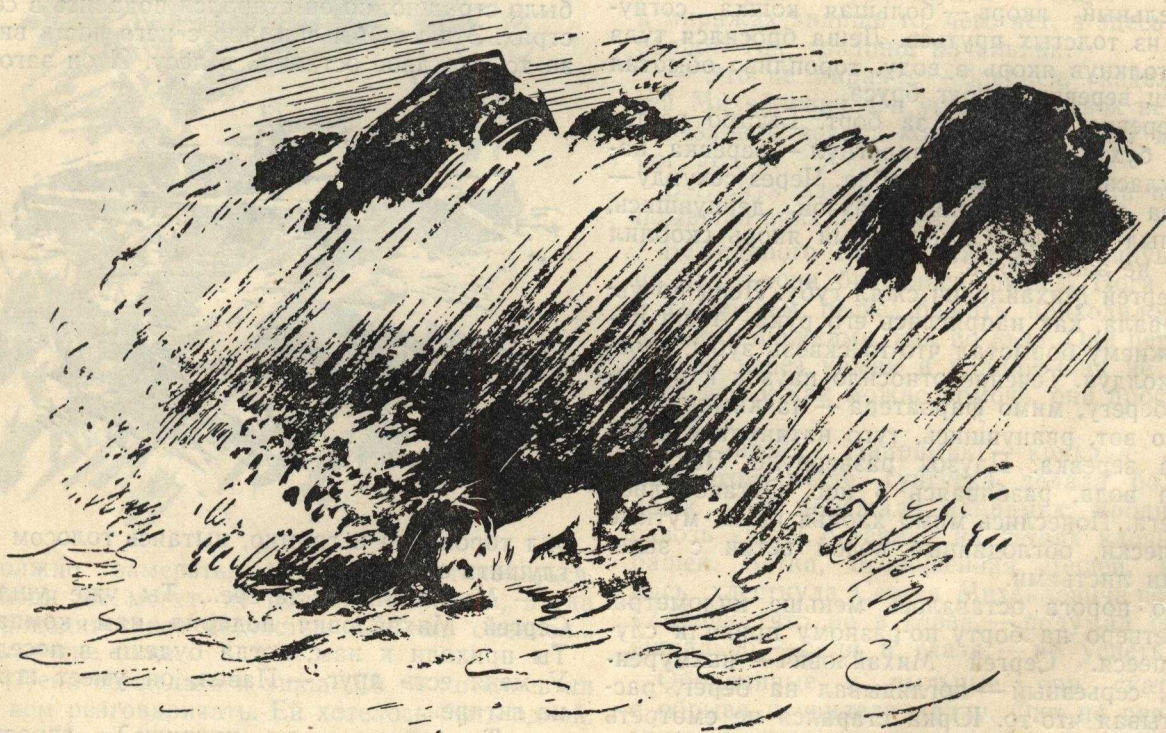
Веревка расстелилась по воде, выгнувшись широкой дугой. Река тянула ее из рук Леша, и он уступал ей, потому что держать веревку — значило держать пловца.

Прошла минута. А может быть, час.

Уже далеко внизу, на фоне камней, мелькали над водой руки, и в провалах между невысокими крутыми волнами маячила черная точка-голова. Неожиданно веревка ослабла. Течение вытянуло ее вдоль реки. А Юрка увидел, что Сергей Михайлович плывет уже не к берегу, а от берега.

И пока его не унесло туда, где вода горбилась и кипела, можно было разглядеть, как все так же упорно и так же медленно поднимаются над водой руки.

Потом они скрылись из вида.



разговор для того, чтобы успокоить его и Лену.

Сергей Михайлович подошел к борту. Юрке на мгновение показалось, что это — продолжение шутки.

Но Сергей Михайлович прыгнул.

Течение подхватило его, и, прежде чем над водой показалась его голова, невысокий бунчик всплеска унесло далеко за корму. Вынырнув, он поплыл к берегу. Юрке казалось,

— Он уже на берегу? — спросила Лена.

— Он отвязался... — растерянно проговорил Леша.

— Леша... — еле выговорил Юрка.

— Что Леша? Что Леша? Я плавать не умею, понимаешь? Я в степи вырос! Понимаешь? Разве я бы сам не поплыл! — заорал Леша, внезапно озлобясь. — Конеч нам тут! Вот.

У Лены задрожали губы.

— Где дядя Сережа? — спросила она.

Юрка посмотрел на нее и внезапно почувствовал, что на смену страху пришла злость. Такая же, как у Леши, злость против ненавистой реки, против порога и дурацкого самодельного якоря! Ему хотелось броситься в воду, молотить по ней кулаками и ругаться. Но было еще что-то, он не знал, что... Ему вдруг вспомнились копилка и ружье, о котором мечтал Димка. И как они бежали по лесу — плечо к плечу. Потом он вышел, а они остались... И в этом была его вина, искупить которую невозможно.

— Я умею плавать, Леша...

— Ну? — недоверчиво, но уже тише сказал Леша. — Ты что, парень, плыть хочешь?

— Я умею хорошо плавать. Я знаю... Нужно по фарватеру, а не к берегу. Там проход есть. Я позову кого-нибудь...

— Плыви, — тихо ответил Леша. Он нагнулся к Юрке и прошептал ему на ухо:

— Плыви, парень... Все равно тут — крышка. Не погубить же девочке.

На секунду у Юрки промелькнуло сожаление, что Лена не видит его сейчас. А когда он встал на корме, то снова пришел страх.

Река горбилась и шипела, как рассерженный кот.

Леша стоял рядом. Он не сделал ни одного движения, не сказал «прыгай» и не сказал «останься».

И Юрка прыгнул.

Вода цепко и холодно схватила его. Когда, вынырнув, он обернулся, паузок показался ему маленьким коробком. Снова рванулись и понеслись назад берега. Подводные струи ударяли в живот тугими комками.

Рядом выплыла и завертелась маленькая воронка. Юрка метнулся в сторону, но она догнала его, и, скользнув по ногам, растаяла.

Юрка взглянул вперед, где должен был открыться узкий проход между камнями, но за волнами ничего не увидел. Он только чувствовал, что вода бежит все быстрее. Она стала упругой, как резина, она мяла и ощупывала его тысячью цепких холодных вихрей.

А потом навстречу ему бросились узкие каменные ворота. Небо, смешавшись с пеной, хлестнуло его по лицу. Раз... Еще раз!.. Совсем близко Юрка увидел гладкий бок камня. Камень прыгнул назад и скрылся. В памяти Юрки остался неподвижный завиток волны, стоящий у гладкого лба камня.

И даже когда его вынесло к берегу и он вылез из воды, то все еще помнил этот завиток, который стоял почему-то прямо, застывший, как на фотографии. Если бы его спросили, страшно ли было, когда он плыл через

порог, он не знал бы, что сказать. Не было ни страха, ни мыслей. Не было ничего, кроме ощущения быстроты, воды, плеснувшей в лицо, и этой странной кудрявой волны, застывшей у камня.

Выбравшись на берег, Юрка перебежал косу, поднялся наверх и скрылся в тайге. Он торопился и не заметил, что на песке рядом с его следом тянулась цепочка следов, оставленных чьими-то босыми ногами.

ВЕТЕР

Тот же ветер, что пригнал тучи, растекался по Енисею. Ему было, где разгуляться на широких, в несколько километров, плесах. Против устья Тунгуски, где встречались два течения, волна была особенно сильной. Водяные холмы суматошно плясали на одном месте. Сталкиваясь с размаху, одни бежали дальше по Енисею, другие заходили в Тунгуску, подгоняя друг друга, доходили до пристани, били в ее борта звонкими оплеухами.

Отголоски шторма мешали начальнику пристани сосредоточиться. Он сидел в своей комнате на втором этаже дебаркадера. На столе перед ним стояла пишущая машинка, которую он выпросил до полудня.

Начальник писал еще одно заявление.

Волна плеснула в борт. Начальник пристани поморщился, встал, походил по комнате, затем снова присел на краешек стула и, неуверенно тыкая пальцами в клавиши, отпечатал несколько слов. Перечитав заявление, он уже собрался вынуть бумагу из машинки, но в это время без стука вошел пристанской матрос.

— Бакен, Паша, сорвало на плесе, вот что, — сообщил он. — В аккурат красный бакен-то, а несет его на ту сторону. Неприятность может получиться, кто фарватера не знает...

Начальник, взяв бинокль, вышел на палубу. Вдали от пристани, посреди плеса, толклась на воде красная пирамидка. Ее сносило к левому берегу; беда невелика, если бы там не было отмели. На ней бакен мог задержаться, и тогда пароход, который попытался бы, как и положено, пройти между бакеном и левым берегом, сел бы на мель.

— Непорядок, — нахмурился начальник. — Надо плыть...

— Куда плыть, Паша? — возразил матрос. — С того берега теперь на катере не выгрести — шторм. Да и не наше это дело; пусть обстановочный пост смотрит.

— Раз мы заметили, значит, наше...

— Это правильно... Только ведь — шторм.

— Неси весла, — распорядился начальник. — На карбасе поеду.

Матрос принес весла. Потоптавшись на месте и поскоблив затылок, он тоже спустил-ся в лодку.

— А ты еще куда? Вылезай! Один управ-люсь, не к чему двоим рисковать, — прикрик-нул начальник. Его внезапно охватила весе-лая лихая удаль.

Матрос поупирался немного, но Павел на-стоял на своем. В конце концов он был глав-ным на этой пристани.

Когда лодка вышла на плес, ветер нава-лился на нее, и Павел, загребая одним вес-лом, с трудом выдерживал направление. Нет хуже бестолковой речной волны. Она коротка и крута, и лодка, не умещающаяся на ней, вре-зается носом в воду. А сзади уже догоняет другая — зеленая, наглая, она наваливается шипя и лезет на корму.

Ветер срывал гребни волн, бросая в спину охапки брызг. Лодка вставала на дыбы. Вода уходила из-под весел. Когда Павел заносил весла назад, то чувствовал упорное сопротив-ление ветра. Воздух стал неподатливым, как вода. Это был настоящий шторм!

Но Павел не испытывал страха. Что-то большое и гордое поднималось в его груди. Он чувствовал, что в силах победить и ветер, и волну, и ему было радостно от этого чув-ства. Он даже кричал что-то веселое и бес-смысленное, но не слышал сам себя. Ветер рвал крик с его губ и уносил в сторону. Мож-ет быть, только чайка, промелькнувшая над ним клочком бумаги, слышала этот крик.

Тяжелее всего было буксировать бакен об-ратно. Если бы не ветер, Павел не справился бы с ним. Но на обратном пути ветер помогал ему.

Пока он устанавливал бакен и привязывал к нему якорь, в лодку набралось порядочно воды. Лодка лениво переваливалась через волны. Вода перекачивалась от борта к бор-ту, увеличивая крен, но вычерпать ее Павел не мог, потому что нельзя было бросить весла.

Поставив бакен, он повернул к берегу. В эту минуту и подошла волна.

Она была большая, но подкралась неза-метно и ударила сбоку. Жесткой пощечиной хлестнула она в борт и на секунду стала над ним прозрачной пузырящейся стенкой. Греб-ень обрушился на колени Павла, и лодка, сразу огружая, уже не смогла взобраться на следующую волну и часть ее приняла в себя. Павел повалился на борт. Лодка пе-ревернулась, обнажив занозистое белесое брюхо.

Вода была теплой — это единственное, что Павел сообразил, прежде чем новая волна подхватила его и швырнула в сторону. Павел рванулся и нырнул в эту волну, стараясь пробить ее и ухватиться за лодку. Ему уда-лось это сделать. Он взобрался на днище и вцепился ногтями в мягкие разбухшие доски, пытаясь удержаться.

Подняв голову, он увидел, как внезапно раздвинулись берега. Где-то далеко-далеко, за частоколом лохматых всплесков виднелась пристань. Но даже и теперь Павел не испу-гался. Для этого он был слишком занят. Волны перекачивались через него. Вода хле-стала в лицо, наваливаясь на плечи, стараясь оторвать от днища, и он изо всех сил цеплялся за доски. Он не очень-то хорошо плавал, на-чальник пристани, и сейчас, прижимаясь щекой к шершавому днищу, надеялся, что с берега его видели и вышлют помощь.

Наконец он отыскал щель и запустил в нее онемевшие пальцы. Стало чуть легче. Он даже приноровился задерживать дыхание и уже не глотал воду, когда волны накрывали его.

Павел приподнял голову, чтобы посмотреть, не идет ли помощь. Новая волна заставила его припасть к доскам, но все же он успел разглядеть перевернутую лодку, которая плыла невдалеке от него. Он узнал ее сразу, только одна лодка в Усть-Каменске была вы-крашена в такой цвет. Она плыла, поблески-вая яркими бортами, и волны, перекачиваясь через нее, вспыхивали на миг оранжевым све-том. Словно освещенные этим светом, воз-никли перед глазами Павла призрачные ку-пола Атлантиды, и лицо Юрки — удивленное и восторженное, и шест с флагом, раскрашен-ным акварельной краской. Все это промельк-нуло в одну секунду и исчезло, осталась оран-жевая лодка — пустая, неуклюжая и беспо-мощная.

Павел не знал, живы ли ребята, но знал одно: нельзя бездействовать, нельзя ждать, а нужно собрать людей и идти на розыски.

А люди — на берегу.

А берег — в полутора километрах.

И ничего не было удивительного в том, что человек, который только что цеплялся за до-ски, обламывая ногти, напрягая последние силы, чтобы удержаться на них, вдруг сам отпустил руки и поплыл к берегу.

С трудом удалось сбросить сапоги. Они уто-нули. Удалось снять китель. Он тоже пошел ко дну. А Павел плыл, плыл, стиснув зубы, глотая воду, путаясь ногами в лохмотьях ра-зорванных брюк.

Но берег был слишком далеко. Берег мо-тался вверх и вниз, такой же взлохмаченный

и пьяный, как все вокруг. Как гребень волны, ускользающей из-под руки. Как вода, не дающая глотнуть воздуха.

А Павел плыл... И когда его, обессиленного, в последний раз подняло волной, то последней, что он увидел, — это катер, который был так же далеко, как и берег. Даже — дальше.

Дежурный катер, переваливаясь с боку на бок, несколько часов бродил по плесу. Он подобрал обе лодки. И ничего больше.

Наступила ночь, и катер повернул к берегу.

НЕСКОЛЬКО ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ

Городок Усть-Каменск живет двумя жизнями.

Одна — со всей страной. Это газеты и радио. Газеты опаздывают дней на пять. Их не выбрасывают, прочитав, а складывают бережно и хранят. Радио, конечно, приходит вовремя, трансляцию Первомайского парада слушают, собравшись на площади у столба с динамиком, хотя радио почти в каждом доме. Никто не устанавливал такой порядок — это обычай. Почту привозят пароходы и самолеты. Самолеты не задерживаются здесь надолго: черкнут колесами по грунту — и снова в небо.

Это все — одна жизнь.

Другая — лес, который валят в тайге, рыба, которую ловят на Енисее, продукты и товары, идущие через Усть-Каменск чуть ли не в сотню станков. Для этой, другой жизни в Усть-Каменске существуют свои отметки времени, своя хронология. Здесь говорят: «Это случилось за два дня до прихода «Иртыша». «Иртыш» — пароход. Или: «Помнишь, когда лось в поселок пришел?» А после нынешнего лета, наверное, еще долго будут говорить: «Когда учитель обгорел...» или «Когда экспедиция паузков на пороге угробила...»

В Усть-Каменске не любят бросаться словами. Здесь зимой замерзает ртуть в термометре. Здесь Енисей треплет и переворачивает рыбацьи лодки на плесах. Самые простые быденные дела требуют от людей мужества. Поэтому-то и не в ходу в Усть-Каменске такие слова, как «мужество», «героизм». Здесь говорят: «Сделал правильно». Правильно — означает высшую похвалу.

Про учителя тоже сказали: «Правильный парень».

И про Сергея Михайловича: «Правильно, что поплыл, а то бы всем — крышка».

И про Юрку... Только о нем добавляли: «Молодец», потому что он все-таки мальчиш-

ка, и от него нельзя требовать того, что от взрослых.

В тот день Виктор Николаевич часа два искал Юрку в тайге. Он вернулся обожженный, в растерзанной одежде и ботинках, которые никогда-больше не станут нежно-серыми.

Юрка же прибежал в поселок гораздо раньше, весь в ссадинах, исхлестанный ветвями и мокрый. В милиции он увидел Сергея Михайловича.

— Зачем ты пришел? Иди домой. Ты простудишься, — сказал ему Сергей Михайлович, и голос его был спокоен — чудовищно, непостижимо спокоен.

— Почему вы сидите? — крикнул Юрка. — Они же там!..

— Где там?

— На Тунгуске!

Теперь удивился Сергей Михайлович.

— О ком ты говоришь?

«Он сошел с ума, — подумал Юрка. — У него в руке стакан с чаем и... он сошел с ума...»

— Почему вы сидите? — крикнул он снова.

— Ничего не понимаю, — сказал Сергей Михайлович. — Идем, я тебя провожу домой. Ты переволновался...

Юрка растерянно оглянулся. В комнате больше никого не было. Тогда он бросился к двери, но Сергей Михайлович схватил его за руку.

— Юра, вспомни... — мягко сказал он. — Вы прилетели на вертолете... Мне только что звонили: вертолет сел. Всех сняли. Ты тоже прилетел на вертолете. Ты вспомни.

— Нет, — сказал Юрка, — я плыл... Мы думали, вы утонули...

И когда Сергей Михайлович, наконец, понял, о чем говорит Юрка, он отпустил его руку и обнял за плечи.

— Вот оно что, — сказал он. — Я не знал... Ничего, Юрка... И вообще... извини. Я не знал...

Итак, Лену и Лешу сняли с паузка вертолетом. А полтора часа спустя обломки паузка проплыли мимо Усть-Каменска.

И только начальника пристани не нашли.

Матрос, следивший за ним в бинокль, вызвал дежурный катер, но когда катер подошел к лодке, на ней никого не было. Никто так и не понял, почему утонул Павел. Ведь он мог продержаться на лодке полчаса даже и не в такой шторм.

Вот сколько событий случилось в тот день в городке Усть-Каменске, стоящем на скрещении двух могучих сибирских рек.

Но пришли новые дни. Они принесли новые события и несколько действительно великих

открытий, о которых нужно рассказать прежде чем наступит зима, навалит снегу, и городок Усть-Каменск, может быть, снова покажется плоским, безжизненным и скучным.

Юрку на радостях засадили дома. Его мать, вспоминая тот злополучный день, всякий раз принималась плакать от жалости к Юрке, к себе и оттого, что все могло кончиться гораздо хуже. Откуда-то она притащила громадный замок, примкнула лодку на цепь и сказала, что Юрка не должен ходить к реке, если не хочет, чтобы она умерла раньше времени.

От отца Юрка узнал, что Петьку и Димку вынесли из леса. А дня через три появился под окном сам Петька. Он поманил Юрку, но тот замотал головой: «Не могу! Заперли...» Петька провел ладонью по горлу, что означало: «Выходи: очень нужно!»

Юрка вылез в окно, и Петька сказал, что утонул Павел.

Юрка шел по улицам, и дома по бокам казались ему маленькими, будто он смотрел на них в перевернутый бинокль. Сам того не замечая, он шел к Димкиному дому, ибо все, что они делали, они делали втроем, и прежде чем идти на пристань нужно было вызвать Димку.

— Не надо... — сказал Петька. — Зачем он нужен?

Юрка не понял его слов, да и не старался понять. Он любил Павла. В комнате на дебаркадере они подолгу толковали о больших плаваниях — бесконечный разговор, где каждый не слушает и перебивает другого, стараясь рассказать о своем. Никому из них ни разу не удалось договорить до конца... И Павел, единственный из всех, принимал всерьез Юрку и его смутные планы.

Димка не отнекивался. Он без разговора вылез в окно. Как видно, его тоже заперли.

— Жалко! — сказал он. — А тебе?

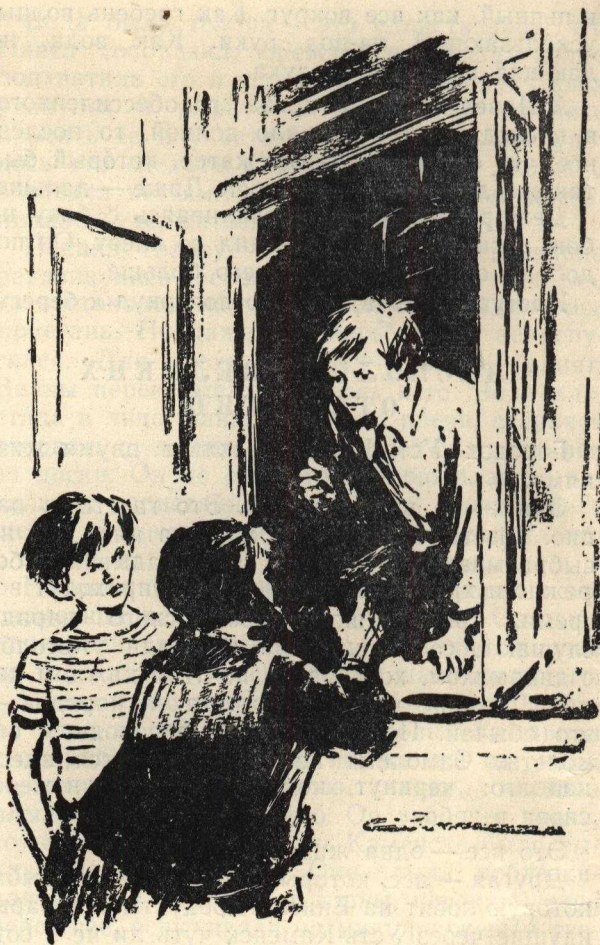
— Ты лучше молчи, — ответил Петька. — Не твое дело.

И Димка съежился и замолчал, будто Петька имел право говорить ему такие слова. Но Юрка снова ничего не заметил.

На дебаркадере их встретил старинный враг — пристанской матрос. Втроем они поднялись наверх.

Из машинки торчал лист бумаги, исписанный плотно прилегающими друг к другу строчками.

— В аккурат он писал, когда я зашел, — сказал матрос. — Где-то машинку достал... Не знаете, чья машинка?



Юрка вынул бумагу и пробежал глазами несколько первых строчек.

— Читай вслух, — сказал матрос. — Это надо читать вслух.

И Юрка ничуть не удивился и начал читать:

НАЧАЛЬНИКУ ЕНИСЕЙСКОГО ПАРОХОДСТВА РАПОРТ

Я родился в 1936 году в селе Майма. Наше село стояло в тайге. После начальной школы мне пришлось ходить в другую школу, за пять километров, чтобы окончить семь классов. Я хотел учиться, а характер у меня был твердый, и я не пропускал уроков осенью в распутицу, а зимой в мороз. Мой отец был малограмотный, хороший охотник. С малых лет я научился стрелять и охотился на белку не хуже других. Когда я ходил по тайге, я всегда думал о том, как буду жить, когда

стану взрослым. Вы, товарищ начальник, наверное, тоже много думали, пока не выбрали свою профессию.

Каждый раз я думал о разном и никак не мог решить, чего же мне хочется. Я понимаю, что нужно быть твердым и добиваться какой-то одной цели. Но у меня раньше не было никакой цели. Я объясню почему.

Мы жили в глухой тайге. Кругом лес и больше ничего. Только по реке плавали пароходы и баржи, а над селом иногда пролетали самолеты. Конечно, я читал книги, в школе нам рассказывали о различных государствах. Но книги — это одно, а видеть все своими глазами — совсем другое.

Есть у нас в тайге цветы, называются «неразлучники». Прозвали их так потому, что они всегда растут парами, на одном корню. Если один засыхает, то засыхает и другой. Они поднимаются весной и цветут недолго, но у них очень приятный и сильный запах.

Я, товарищ начальник, могу написать вам еще десять страниц про эти цветы, и вы прочтаете и вообразите, как они выглядят и какой у них цвет. Но вы никогда не сможете вообразить, какой у них запах. Он — особенный. Чтобы его почувствовать, нужно прийти в то место, где они растут.

Я думаю, что все вещи на земле, как эти цветы, имеют что-то свое, особенное. Их нельзя понять по книге или учебнику, а нужно увидеть своими глазами. А я очень мало что видел, живя в тайге, плохо разбирался в жизни, и у меня не было своей цели.

Помню, когда я в первый раз увидел трактор, то сразу решил: буду трактористом. Потом к нам пришли геологи, и я решил: буду геологом. Так каждый раз, когда мне встречалось что-нибудь новое, я менял свои решения. А в нашей стране, может быть, сто тысяч разных специальностей. Как же мне было выбрать такую, чтобы на всю жизнь?

После семилетки мне предложили поступить в речное училище. Я спросил у отца, идти или нет. Отец сказал: «Я в твои годы в первый раз штаны надел, а ты в капитаны целишься. Рано еще. Поработай в колхозе». А мать сказала: «Иди. Речникам хорошо платят».

Я пошел в училище и учился на хорошо и отлично. Тогда мне казалось, что я нашел свою настоящую специальность. Но летом мы были на практике на самоходке «Урал» и спустились по Енисею до самого моря. Там я увидел большие морские корабли. Они стояли у причалов. А когда они уходили в море, я смотрел им вслед с берега.

Не думайте, товарищ начальник, что меня привлекал плеск волн и прочая романтика.

Не знаю, как это объяснить, только я понял, что не успокоюсь, пока не попаду на такой корабль. После училища меня направили в Усть-Каменск начальником пристани. Но вы, наверное, знаете, что никакого особенного порта здесь нет, а мое название «начальник» нельзя понимать иначе, как насмешку. Работы у меня немного, а зимой — совсем нет. На мое место можно назначить человека, который уже не способен плавать. А меня прошу перевести в морское пароходство, хотя бы простым матросом.

Убедительно прошу вас не отказать в моей просьбе, потому что вы — коммунист и должны понимать, что без моря мне жить невозможно. До свидания.

Начальник пристани П. А. Зырянов

— Я в газету пошло, — сказал матрос, когда Юрка окончил читать. — Пусть напечатают.

А Юрка неожиданно для себя вспомнил о том, что Павел за целый год так и не научился курить свою трубку. Эта мысль показалась Юрке нелепой и неуместной, он гнал ее от себя, но не мог прогнать и даже совершенно отчетливо представил себе трубку с колечком на мундштуке, как будто сейчас это было самое главное. Потом он вспомнил, что Павел каждый день брился. Павел думал, что от этого вырастет борода. Но борода не росла... И над ним смеялись. А он хотел стать моряком... Писал рапорты... плавал в шторм. Да, вот что было самое главное! Он хотел стать моряком и не стал им...

Внезапно Юрке захотелось пройти по Усть-Каменску — из дома в дом — и прочитать этот рапорт, чтобы все узнали, какой человек был Павел. Ему хотелось рассказывать о нем гордо и красиво.

И это было открытие первое.

Когда они вошли в поселок, он сказал:

— Думаете, напечатают про него в газете?

— Конечно, — не задумываясь ответил Димка. — Это же смех, если не напечатают!

А Петяка снова сказал, не называя Димку по имени:

— Молчи. Не твое дело...

И на этот раз Юрка заметил, что Димка замолчал и не огрызнулся, чего с ним раньше никогда не бывало.

* * *

Лена снова ушла в тайгу. Ушли Сергей Михайлович и Леша.

Атлантида так и осталась неоткрытой.

Голубая тетрадь лежала на подоконнике. О ней вспоминали, но не вслух, а про себя, и,

вспоминая, улыбались, потому что это всегда приятно — вспоминать о детстве.

Однажды Петькина мать посоветовала:

— Вы бы к учителю сходили. Обгорел ведь, вас искавши...

— Мы и сами думали, — сказал Петька, — только мне неудобно...

— Чего неудобно-то?

— Ты ничего не знаешь, — ответил Петька.

Но все же они пошли в больницу. Они шли, как прежде, плечо к плечу, но Юрке казалось, будто что-то произошло между Димкой и Петькой. Во всяком случае, Димка вел себя странно: то засмеется без повода, то без повода нахмурится. А если в разговор вступал Петька, то Димка сразу становился покорным и тихим. Казалось, он — не Димка, а только мальчишка, который притворяется Димкой.

— Вы чего, поругались? — спросил Юрка.

Димка, не отвечая, искоса посмотрел на Петьку.

— Ну да еще... — сказал Петька.

И тогда Димка с готовностью подхватил:

— Ничего мы не поругались! Откуда ты взял!

В палату они вошли вдвоем. Петька остался внизу, у окна.

Виктор Николаевич лежал, обвязанный бинтами.

— Здравствуйте, Виктор Николаевич, как вы себя чувствуете? — вежливо спросил Димка.

— Благодарю вас, уже неплохо, — еще вежливей ответил учитель и рассмеялся. — Садитесь на кровать, дипломаты.

Ребята осторожно присели на пустую кровать напротив.

— Если увидит сестра, — влетит. Увидит врач, — еще больше влетит. Но — спасибо. Вы как сюда прошли? — Виктор Николаевич взглянул на Димку.

— Да это не я... — смутился Димка. — Это они... А я так, за компанию. И вообще, не думайте, что мы как-нибудь так... Мы — навестить. А прошли — обыкновенно, никто не видел.

К стеклу, сплющив нос, приложился Петька, но, заметив, что его увидели, сразу исчез.

— Откройте-ка окно, ребята, — снова засмеялся Виктор Николаевич.

Юрка открыл окно, перевесился через подоконник. Некоторое время слышно было, как он перешептывался с Петькой. Доносились слова: «неудобно», «да брось ты!», «все равно видел». Потом в окне, как в раме, показалась смущенная и сердитая Петькина физиономия.

— А-а, это ты, — сказал учитель. — Ну, лезь сюда, все равно пропадать.

— Ладно, я так... — пробормотал Петька.

— Ты все еще на меня сердишься, Исаев? Что, мы с тобой так никогда и не помиримся?

Петька от негодования чуть не свалился вниз.

— Да я не сержусь! Почему вы думаете?

— Мне показалось, что раньше... Впрочем, это неважно. Расскажите лучше, зачем вы в огонь полезли.

— Мы не нарочно, — сказал Димка. — Мы искали...

— Что искали?

Димка посмотрел на Юрку: сказать или нет? Юрка кивнул: валий!

— Мы искали Атлантиду!

Ребята ожидали, что учитель удивится, но они не думали, что он так удивится. Виктор Николаевич даже приподнялся на подушках.

— Атлантиду?! Почему — Атлантиду?

— Да знаете, Виктор Николаевич, есть такая страна, — сказал Юрка. — Вернее — была. Давно, несколько тысяч лет назад, что ли. Она затонула. Вот мы и думали: может быть, она здесь была. Ведь раньше здесь было море. А потом оказалось, что она в Атлантическом океане. А знаете, какая это красивая страна! Там все из мрамора и золота!

— Я-то знаю... — задумчиво сказал Виктор Николаевич. — Странно. А ну, признавайтесь, вы тетрадь нашли? Голубая. «На острове Азорида, на склоне горы, обращенном к морю...» — Виктор Николаевич запнулся.

— «...Стоял каменный всадник, указывающий на запад», — машинально подсказал растерянный Юрка. — Виктор Николаевич!...

— Правильно — каменный, — кивнул учитель. — Она была в кармане пальто. Я потерял ее в день приезда.

— Я же говорил тебе, что не писатель! — обрадовался Димка, вспомнив давнишний спор.

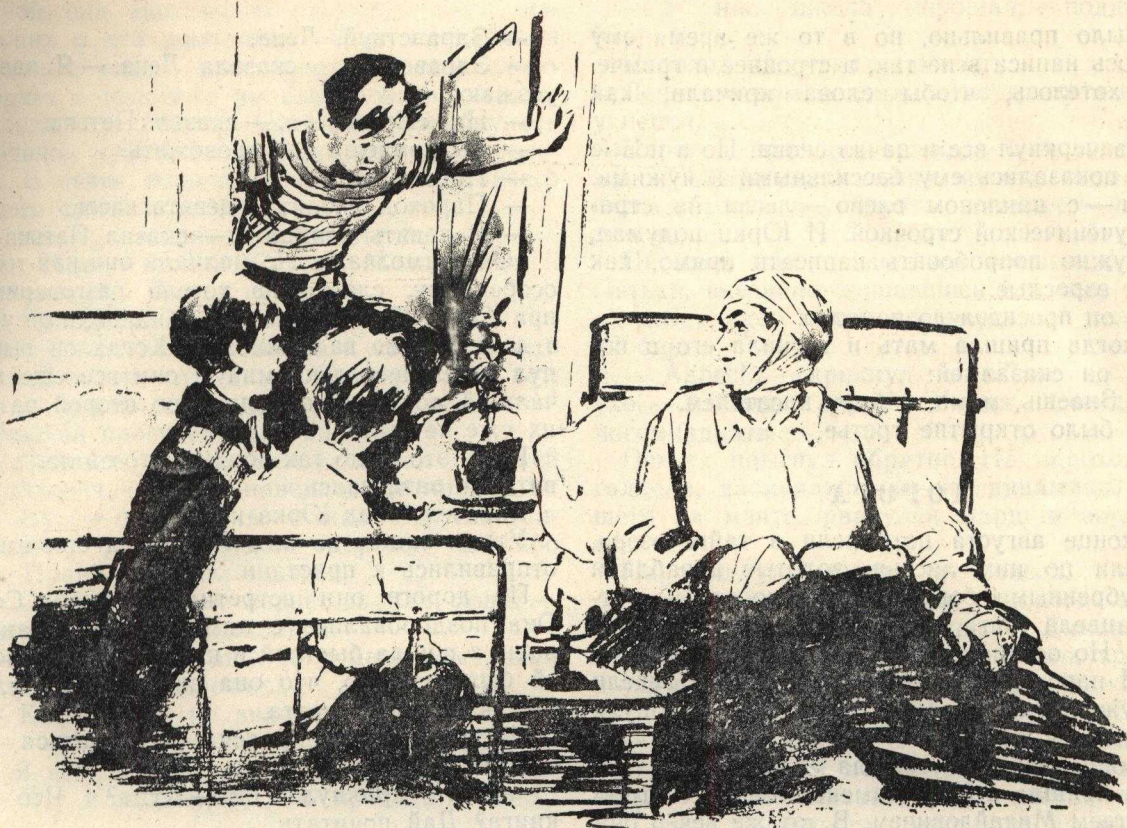
Но Юрка не слушал его.

— И все это правда? — спросил он.

Снова проплыли перед Юркой мраморные дворцы и башни слоновой кости. Снова возникла в памяти чудесная сказка о белоснежных городах, стоящих на дне голубого моря. И слова Виктора Николаевича были как бы продолжением его мыслей:

— Это правда, ребята. И вместе с тем неправда. Тут все перемешалось. Очень долго все было для меня самой настоящей правдой. Раньше я мечтал открыть Атлантиду. В книгах о ней было слишком много догадок и мало достоверного. Я не нашел точных ответов в книгах и тогда сам придумал ее...

— А все-таки — придумали, — с сожалением сказал Юрка.



— Да нет! Она на самом деле была, Атлантида. Понимаете? Была. Но никто не знает точно, как она выглядела. А я придумал для себя такую, какую мне хотелось, где я сам стал бы жить. Вот она и стала правдой, для меня правдой. Она была не похожа ни на одну страну в мире. Я жил в ней до шестнадцати лет. А потом... потом я вырос... Вместе с отцом — он строит дороги — я проехал от Москвы до Ташкента. Затем от Ташкента до Красноярска. И Атлантида показалась мне слишком узкой. Я открыл новую страну, как это ни странно, — свою собственную. Я, наверное, говорю не слишком понятно?

— Нет, — сказал Юрка. — Я, кажется, понимаю. Я давно уже понимаю... У меня был друг. Павел Алексеевич... Он был очень смелый и мечтал стать моряком. Никто не думал, что он такой смелый. А теперь про него написали в газете...

А Димка и Петька смотрели на учителя так, будто увидели его впервые. Им казалось, что на кровати сидит и размахивает забинтованными руками почти такой же, как они, мальчишка, который, как и они, придумал себе страну и играл в нее. Он тоже искал... И тоже не находил. Он был очень похож на них и, быть может, потому стал теперь понятней и

проще. Петька с Димкой удивлялись такой перемене, но не догадывались, что переменился не учитель, а они сами.

И это было открытие второе, пока еще неосознанное.

— Раньше я бы ни за что не подумал, что это его тетрадка, — сказал Петька, когда они вышли из больницы.

И всем было понятно, что это действительно могло быть только раньше.

Вечером Юрка долго не ложился спать.

Он бродил по комнате, думал, и неожиданно ему захотелось рассказать обо всем, что произошло с ними в это лето: об экспедиции, о Лене, о начальнике пристани, об учителе с голубой тетрадкой... Но рассказывать было некому.

И тогда Юрка, повинаясь какому-то смутному, но непреодолимому желанию, присел к столу и взял лист бумаги. Он долго сидел над этим листом, грызя карандаш. Потом написал: «Наш поселок называется Усть-Каменск. У нас часто бывают морозы. Много комаров. Мы живем у самого Енисея и Тунгуски...»

Юрка писал и чувствовал, что слова перестают подчиняться ему, что их слишком мало, что они совсем не такие, как мысли. Написав

кое было правильно, но в то же время ему хотелось написать не так, а стройнее и громче. Ему хотелось, чтобы слова кричали, как трубы.

Он зачеркнул все и начал снова. Но и новые слова показались ему бессильными и чужими. Буквы — с наклоном влево — легли на страницу ученической строчкой. И Юрка подумал, что нужно попробовать написать прямо, как пишут взрослые.

Так он просидел до полночи.

А когда пришла мать и загнала его в постель, он сказал ей:

— Знаешь, мама, я буду писателем.

Это было открытие третье.

ДОРОГА

В конце августа потемнели в тайге озера, поплыли по ним листья: золотые кораблики с иззубренными бортами. Под холодным ветром зацвела тайга, вспыхнула, сжигая летнюю красу. Но осеннее пламя не греет, только светит. И пароходы, пришедшие с севера, гудели простуженными басами, будто уже хлебнули зимы там, у моря.

В конце августа уезжала Лена.

Она пришла в Усть-Каменск вместе с отцом и Сергеем Михайловичем. В тот же вечер они разыскали дом Алёновых. Отец Лены долго тискал руку смущенному Юрке, смотрел на него с удивлением и говорил: «Ну... Вот, значит, как! Думал: побольше ты, постарше...»

Потом Лена с Юркой сидели на бревне у дома. Юрка торопливо и сбивчиво рассказывал ей о пожаре, о начальнике пристани.

Лена похудела за эти дни. Толстая коса, перекинута через острое плечо, казалась непомерно тяжелой. Она слушала рассеянно. Улыбалась вежливо, но грустно. Может быть, ей не хотелось уезжать?

Юрка смотрел, как она шевелит губами, будто повторяя про себя его слова и внезапно подумал, что хорошо было бы, если бы Лена училась в их классе. Затем так же внезапно подумал о себе: красивый ли он? Сейчас ему очень хотелось быть красивым, но он не знал толком, какими бывают красивые люди и поэтому вопрос о его личной красоте остался невыясненным.

Как великую тайну, он сообщил Лене, что твердо решил стать писателем. Он думал, что она удивится. Но она сказала:

— Да? А вот Петя говорил, что он будет летчиком. Летчиком — не хуже.

И Юрке стало очень обидно.

Потом пришел Петька и сел на бревно, как хозяин.

— Здравствуй, Лена.

— Здравствуй, — сказала Лена. — Я завтра уезжаю.

— На «Иртыше»... — сказал Петька.

— Ты приедешь нас провожать?

— Придем.

— Пароход уходит в девять часов.

— В девять двадцать, — сказал Петька.

Они замолчали. Но молчали они как-то по-особенному, словно не хотели разговаривать при Юрке. Юрке стало еще обидней, и он ушел в дом. Его не задерживали. Когда он выглянул через несколько минут, они все еще молчали. А когда он выглянул во второй раз, то их уже не было.

И уж это было так обидно, что он лег в кровать, не раздеваясь.

Впрочем, спал Юрка крепко.

Утром зашел за ним Петька, и они вместе отправились к пристани.

По дороге они встретили девочку Соню. Она поздоровалась с ними, но не остановилась, а пошла быстрее и как-то боком, словно ей было стыдно, что она занимает на улице слишком много места.

Петька не собирался расставаться так быстро.

— Эй! — крикнул он. — Куда? Что за книга? Дай почитать.

— Это не моя... она из библиотеки, я обещала ее сегодня вернуть.

Петька потянул книгу. Соня покорно отпустила ее и даже отступила на один шаг. Это была «Школа» Гайдара.

— Понравилось? — требовательно спросил Петька.

Соня, обрадованная тем, что ее не стали бить сразу, торопливо подтвердила.

— Понравилось. Особенно образ Горикова. И образ Чубука...

— Какой образ?

— Ну образ героев...

— Гориков не герой вовсе, его только под самый конец ранили.

— Я не в таком смысле... Герой — значит главный в книге.

— Без тебя знаем, — насупился Петька, отдавая книгу. — Образ. Образ! — повторил он уже весело и ткнул пальцем в грудь Юрки. — Образ Алёнова!

Неожиданное превращение живого Юрки в «образ» показалось обоим таким забавным, что они дружно расхохотались.

Не смеялась только Соня.

— До свиданья, — сказала она, но ее не услышали.

Тогда она осторожно отодвинулась в сторону и, не оглядываясь, пошла по улице. За

спиной она еще долго слышала хохот забывших о ней мальчишек. Они перечисляли знакомые имена, приставляли к ним слово «образ» и почему-то им было ужасно весело. Неожиданно для себя Соня тоже улыбнулась краешком губ. Но это было только мгновение. В конце концов, у нее не было ничего общего с этими хулиганами.

А ребята, отсмеявшись, пошли дальше.

На берегу стояли Сергей Михайлович и Лена с отцом. Димки не было.

— Где Дима? — спросила Лена.

Сразу все забеспокоились и стали строить догадки о том, где Димка и почему его нет, как будто сейчас это было важнее всего.

Пароход прогудел один раз.

— Давайте прощаться, — сказал Сергей Михайлович, — Дима, наверное, не придет.

— Ну... — отец Лены пожал Сергею Михайловичу руку. — Будем здоровы! Спасибо тебе. Правильный ты человек.

— Обратнo к себе вернетесь или сюда? — спросил Сергей Михайлович.

— Не знаю. В станке-то у меня дом... Дом можно продать, конечно...

— Как же ты не знаешь, папа, — сказала Лена. — У нас семилетки нет, и десятилетки нет. Я ведь учиться буду...

— Вот и я говорю, дом продать можно...

— У нас школа хорошая, — поддержал Юрка.

Пароход прогудел дважды.

Лена с отцом поднялись по трапу и встали у перил.

Пароход прогудел трижды. Словно просыпаясь, вздохнула машина, из-под кормы, пенясь, обгоняя друг друга, вынеслись узловые вихри.

Пароход уже отошел на полметра, когда Петька, внезапно сорвавшись с места, влетел на дебаркадер и прыгнул через эти полметра на борт.

— Адрес!... — крикнул он Лене в самое ухо. — Забыла адрес! Улица Свердлова... восемнадцать...

Петька прыгнул обратно. На пароходе загалдели, засмеялись, но из динамика, висящего на мачте, рванулся марш и заглушил все.

Пароход уже вышел в Енисей, и чайки взвились с воды, провожая его, когда к пристани сбегал запыхавшийся Димка. Он взглянул на ребят, и на лице его, красном и потном, появилось недоумение, даже обида.

— Как же так... — сказал он. — Я за него пятьдесят рублей заплатил! И ошейник купил... — И он вытащил из-за пазухи щенка, грязного, как швабра. — Я за ним в Сургутиху бегал. У нас таких нет, настоящая лайка! Я хотел подарить...

— Придется себе оставить, — сказал Сергей Михайлович, — все равно он бы им только помешал в дороге.

— Он уже через год будет птицу облаивать! — обиделся Димка.

Сергей Михайлович рассмеялся, но спорить не стал.

— Ну, прощайте, хлопцы, — сказал он. — Мне — далеко.

— А где вы теперь?

— Отсюда километров сорок. Но мы вернемся к весне и опять встретимся. Я вам расскажу, что нашли мы, вы мне — о своих поисках.

— Мы больше не будем искать, — сказал Юрка.

— Почему? Искать нужно. Только не заходите слишком далеко... Я думаю так... земля велика, но она — круглая, и можно считать, что любой городок — даже самый маленький — стоит



на вершине мира. Ваш Усть-Каменск расположен ничуть не хуже.

По берегу ребята проводили Сергея Михайловича до первой мигалки.

— А я решил вот что: все-таки буду учиться дальше, — сказал Петька, когда они расстались с Сергеем Михайловичем. — Верно? После семилетки в летные школы не принимают, я узнал точно. Я сегодня говорил матери, а она сказала: «Разве я для тебя чего-нибудь жалела? Это ты сам придумал — не учиться». И сама заплакала. А когда я говорил, что не буду учиться, она тоже плакала. Вот и разбери, чего им хочется! Верно?

— И я решил, — сказал Юрка. — Я в последний раз решил! Только я сейчас не скажу. У меня пока не получается... Смеяться будете.

— А я, — сказал Димка, — истратил все деньги и вышло — зря.

— Жалко? — спросил Петька.

— Ха! — ответил Димка. — Плевал я на деньги. Собака лучше. Мне ничего не жалко! Я могу ее подарить даже... Хочешь, тебе подарю? И ошейник отдам. На! — Он вынул из-за пазухи щенка и сунул его Петьке.

Петька не взял. Но Димка снова протянул щенка. Петька легонько оттолкнул Димку. Димка толкнул Петьку плечом. Петька толкнул еще сильнее. А Димка его — уже изо всей силы.

Но это была не драка. Это был мир, которого так настойчиво добивался Димка.

А Юрка так и не узнал, что же произошло между ними.

Они поднялись наверх, на дорогу, которая упиралась в зубчатую стену леса. В последний раз они оглянулись на реку и увидели караван барж, за ним другой. На палубах стояли трактора, грузовики и еще какие-то машины, покрытые брезентом. Караван поворачивал в Тунгуску.

— С чего бы это? — удивился Петька. — Раньше всегда мимо ходили. Чего они тут не видели?

— А я знаю, — сказал Димка. — Я всем говорил: в прошлом году здесь тайгу меряли. Теперь будут дорогу строить. В Байките руду какую-то нашли. Говорят, на весь Союз хватит и еще останется.

— Ври! До Байкита сотня километров будет, им через тайгу не пролезть.

— Я же говорю: дорогу сделают. Им это — раз, два и готово. У них машины такие.

— Айда, ребя, обратно, караван встречать!

— Пошли!

И мальчишки направились обратно к пристани. Сначала они шли шагом, потом побежали. Они не умели ходить медленно, они топтались навстречу новым открытиям.

РАННЯЯ ПТИЧКА

Н. Сладков

...Незаметно зажглась и тихо начала разгораться в небе оранжевая полоска зари. Первый вздох утреннего ветерка прошумел в вершинах деревьев. Тонким перезвоном оледенелых хвостов отозвались ему высокие сосны.

Внизу, в глубокой темноте леса, явственней зажурчал, заворковал невидимый ручеек.

Весь лес стал полниться чуть слышным шуршанием, шорохом, хрупким хрустом, — звуками неодушевленной жизни. Недоставало только живого голоса — бодрого голоса пробудившегося ото сна живого существа.

И вот возникла — просто, как жи-

вая струйка воды из-под холодной глыбы снега, — родилась в предсветной мгле теплая птичья песенка. Возникла и полилась тихо, полная робкой радости, светлой весенней грусти, маленькой, трепетной, веселой жизни.

И чудом слились в песенке все неодушевленные шорохи, шелесты, хрусты дремучей лесной ночи. Слили и ожили, стали понятны всем, в ком бьется сердце.

Ранняя эта птичка зовется — зарянка.

Рано, одной из первых среди наших перелетных птиц, возвращается зарянка к себе на родину — в наши не одетые еще леса, где в дневных

сутемках долго еще будет хорониться от солнца хрупкий, хрусткий под ногой снег.

Рано, чуть свет, пробуждается она утром и поет тихонько, как будто спросонья, свою тонкую, замирающую в конце песенку.

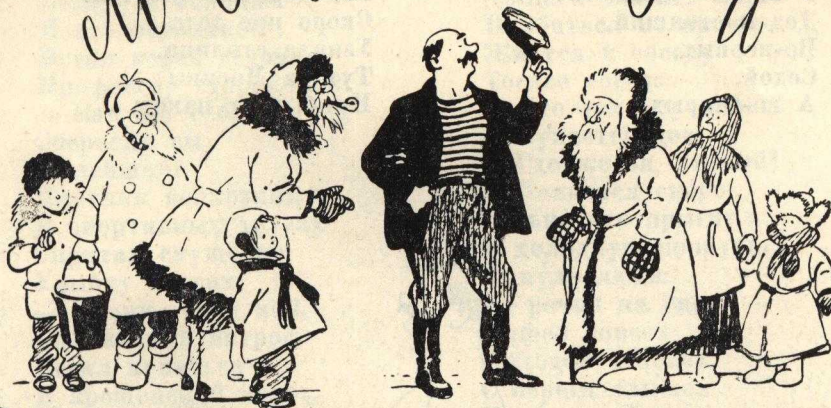
У нее тонкий соловьиный носок, большие и темные глаза — глаза сумеречной птицы.

Ее мягкое оперение темно-серое: цвета лесных сумерек.

И только на горлышко ее и белую грудку будто заря пролилась: они оранжевого цвета.

Когда ночуешь в лесу, то первой после ночи — на заре! — услышишь песню зарянки.

М О Л О Д О Ц Ы



Д Е Д У Ш К А

Юрий Яковлев

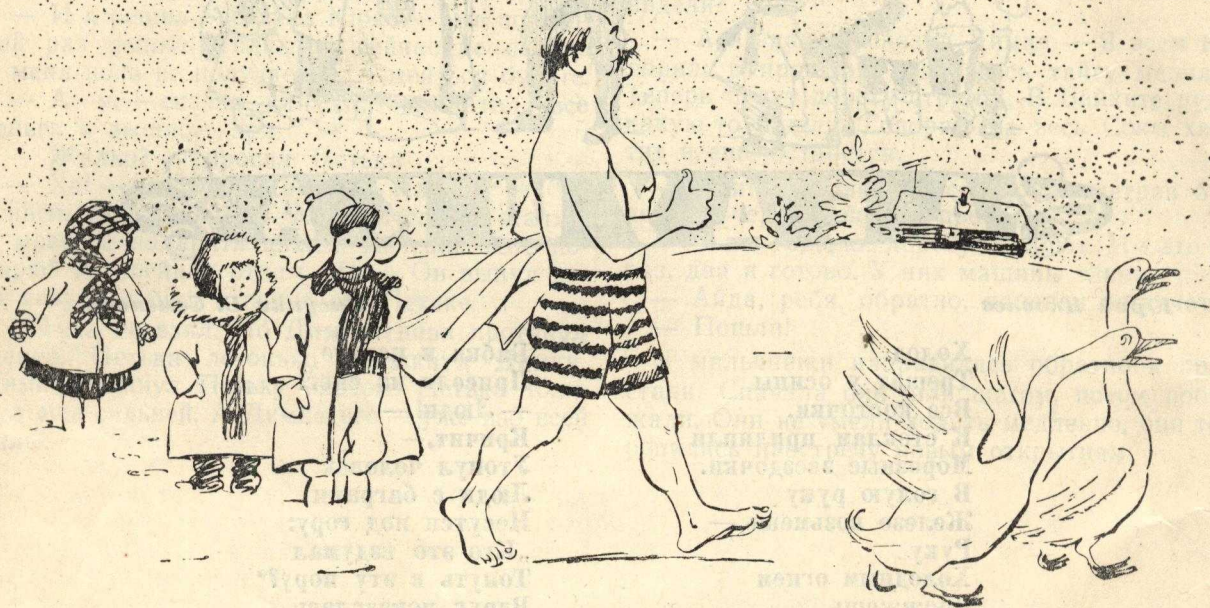
Рисунки В. Семенова

Холод.
Трещат у осины
Все косточки.
К стеклам прилипли
Морозные звездочки.
В голую руку
Железо возьмешь —
Руку
Холодным огнем
Обожжешь.
У человека снежок
На усах,
А человек
Почему-то
В трусах!
Гуси по снегу
Шагают гуськом.
Он за гусями
Идет босиком.
Бабушка в речке
Белье полоскала.
В прорубь сорочку
Она опускала.
Вдруг увидала
Спортсмена в трусах.
Тают снежинки
На рыжих усах.
Он в полыню,
Где плескалась сорочка,
Прыгнул,
Пропал под воду —
И точка!

Бабка в испуге
Присела на снег.
— Люди! —
Кричит, —
Утонул человек!
Люди с баграми
Несутся под гору:
„Кто это вздумал
Тонуть в эту пору?“
Вдруг показалась
В дымке седой,
Как поплавок,
Голова над водой.
Вышел на берег
Ныральныйщик в трусах.
Капли сверкают
На рыжих усах:
— Эй, окунайтесь, друзья,
За компанию,
Очень полезное дело
Купание!
Плюнула бабка
С досады на снег:
— Больно горяч,
Молодой человек!
Вышел купальщик
Красней кирпича,
Вытерся весь
От плеча до плеча:
— Ты не смотри,
Что легко я одет.
Не молодой человек я,

А дед.
 Люди улыбки своей
 Не скрывают:
 — Деды такими
 У нас не бывают.
 Дед настоящий,
 Во-первых,
 Седой.
 А во-вторых,

Зимою колхозам,
 Я на работе
 Привычен к морозам...
 — Вот так старик! —
 Вся деревня дивится.
 Скоро про деда
 Узнала столица.
 Тут из Москвы
 Прибывает пакет:

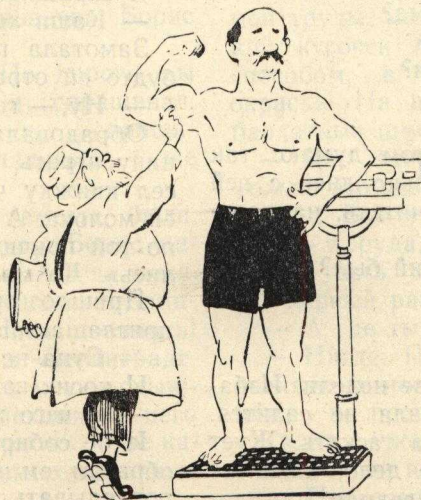


Он с большой бородой.
 В третьих —
 В очках,
 В четвертых —
 С клюкой,
 В пятых —
 С трясушейся
 Слабой рукой.
 Дед возле печки
 Сидит на часах.
 Незачем старому
 Бегать в трусах!...
 Но улыбается
 Смелый ныряльщик:
 — Вы как хотите,
 Я дед настоящий.
 Просто дружу я
 С холодной водой,
 Вот потому
 Я такой молодой.
 Ставлю я срубы

„Что за такой,
 За особенный
 Дед?“
 Просят в столицу
 Пожаловать деда.
 Подана будет
 К вокзалу „Победа“.
 Перед комиссией,
 Перед врачами,
 Перед учеными-
 Бородачами
 Крепкого деда
 В спортивных трусах
 Взвесили точно
 На белых весах.
 Смотрят, прищурясь,
 Четыре профессора:
 Интересует комиссию
 Вес его.
 Слушают сердце
 Попеременке.

Бьют молоточком
 Его по коленке.
 И заключают:
 „Здоровье стальное.
 Сердце в порядке
 И все остальное“.
 Встал перед дедом
 Профессор старейший:
 — Как же себя
 Сберегли вы,
 Милейший?
 Плотник колхозный
 В спортивных трусах
 Спрятал смущенно
 Улыбку в усах.
 — Помню, отец мой,
 Балтийский матрос,
 Бегал купаться
 В крещенский мороз.
 Любят купаться
 Мои сыновья.
 Выйдет на лед
 Иногда вся семья.
 Пять сыновей
 И пятнадцать внучат
 В проруби тесной
 Со мною торчат...
 И говорит,
 Собираясь прощаться:
 — Хочется мне
 И в Москве искупаться.
 Холод.
 На улице
 В утреннем инее
 Все провода,
 Словно белые линии.
 Пар вылетает
 Из теплых дверей,

Словно спешит
 На работу скорей.
 Нынче к перилам
 Крымского моста,
 Должен сказать вам,
 Пробриться не просто.
 Жметесь к соседу
 Теснее сосед:
 — Что там случилось?
 — Купается дед!
 — Где же он, старый?
 — Появится скоро.
 Только что прыгнул
 В холодную прорубь.
 Ахнули люди:
 Из речки на снег
 Вышел совсем
 Молодой человек.
 С берега слышен
 Испуганный крик:
 — Парень-то вышел,
 А где же старик?
 Начал пловец
 Простыней растираться:
 — Бросьте, товарищи,
 Вы волноваться!
 Дед — это я,
 А проклятая старость
 В проруби где-то,
 Наверно, осталась!
 Вот он стоит
 На морозе в трусах.
 Тают снежинки
 На рыжих усах.
 — Эй, окунайтесь, друзья,
 За компанию.
 Очень хорошее дело
 Купание!



РАССКАЗЫ

О МЛАДШЕЙ СЕСТРЕ

В. Туманова

Рисунки Ю. Шабанова

НАТАЛКИНЫ ГЛУПОСТИ

Не успел я оглянуться, — Наталка подросла. Давно ли, кажется, лежала в кровати и тянула в рот что ни попало? А теперь пытается спорить. Скажешь ей:

— Не лезь!

Она сейчас же:

— А почему не лезь?

— Ты мне мешаешь!

— А почему мешаешь?

Так что последнее слово всегда остается за ней. Только она, по-моему, глупая. Разговаривает однажды с дядей Сашей по телефону, кричит:

— У меня Мишка есть!

Он спрашивает:

— Какой Мишка?

А Талка тычет Мишку в трубку:

— Вот он, вот!

Как будто по телефону увидеть можно!

АРИФМЕТИКА

Мама задумалась и говорит:

— Какое сегодня число?

Талка сейчас же выскочила:

— Хорошее!

Мне смешно стало. Уж этого не зная!

Я пристал к ней:

— А сколько тебе лет?

Ну тут ответила:

— Четыре.

— А какой у нас номер дома?

Молчит, отворачивается.

— А сколько сейчас времени?

Надула губы и заявляет:

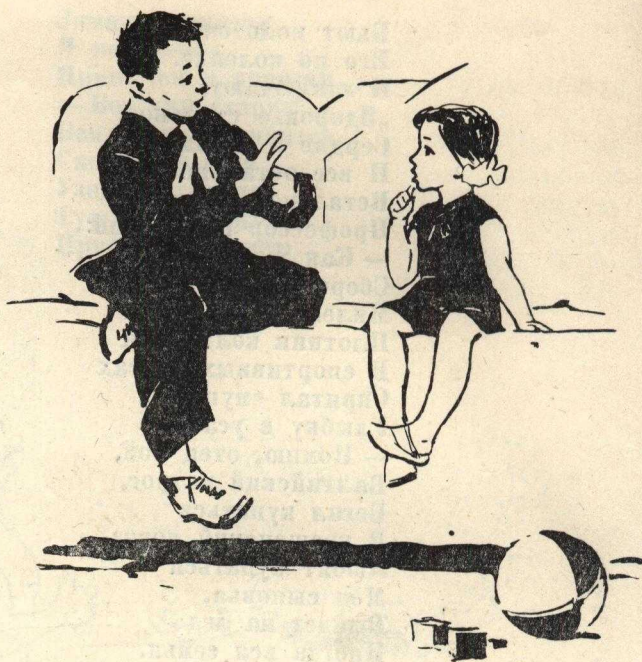
— Тридцать сто минут!

Я со смеху покатылся. Потом думаю: так человеку жить нельзя! Несколько дней с ней бился, пока научил до пяти считать, на пальцах.

Неужели и я такой маленький был?

АППЕТИТ

Талка у бабушки гостила две недели. Избаловалась! За стол без скандала не садится. Повадилась печенье из буфета таскать. Жует его целый день, потом, ясное дело, каши не хочет. А мама извелась: ах, бледная, ах, сла-



бая, аппетит плохой! Капли заставляет пить. А Талка и тут свои условия выставляет:

— Купи шоколад, тогда выпью!

Вот раз заболела тетя Катя, мамина сестра. Мама решила пойти в воскресенье, по хозяйству ей помочь. А папа в командировке. Пришлось доверить сестрицу мне. Уж сколько я наставлений выслушал — и как кормить, и как уложить! И чтоб над душой сидеть, пока не поест, на совесть ее не надеяться.

Я говорю: «Ладно, ладно», а сам свое думаю...

Проснулась наша царевна. Кое-как оделась, умылась.

Я спрашиваю:

— Каши хочешь? Рисовой?

Замотала головой, такую гримасу сделала, будто ей отраву предлагают!

— Ну, — говорю, — не хочешь — не надо!

Обрадовалась, принялась с куклами в больницу играть. Я со стола убрал, уроки сделал, сел книжку читать. Талка все играет. Налил ей молока. А там кукла на операцию ложится по той причине, что «лягушки в животе завелись». До молока ли тут!

Пришло время обедать. Я суп подогрел, приглашаю Наталью.

— Супа не хочу!

И носик задрала — думает, спрошу:

— А чего же ты, кошенька, хочешь?

И не собираюсь спрашивать! Спокойнейшим образом ем суп. Она начала ходить вокруг, поглядывать... Ну и поглядывай!

Подлезла Талка к зеркалу, лоб наморщила:
— Ой, какая я худая. Сегодня еще хуже стала!

Я согласился, что хуже, и начал тарелки собирать. Тут девчонка не выдержала:

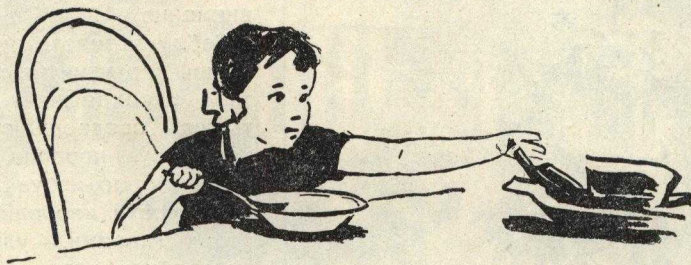
— Толик, дай мне супу, я съем-съем-съем!

И верно, съела, только без хлеба. Потом полезла в буфет за печеньем. А буфет заперт, ключ у меня в кармане. Хнычь, не хнычь — нет ключа.

Вечером мама прилетает. Вся впопыхах, стала ужин готовить. Талка вьется под ногами:

— Ой, мамочка, кушать хочу!

За стол бегом села, за обе щеки уплетает:



— Вот вкусно, вот вкусно!

Мама удивляется:

— Какой у тебя сегодня хороший аппетит! А я помалкиваю.

ОДИН, КАК ЦАРЬ...

Первого сентября в классе был ужасный шум и неразбериха. Мы расспрашивали и рассказывали, смеялись и толкались — все враз. А после звонка на моей парте очутился новичок. Ничего себе парень, плечистый, в клетчатой курточке на четырех молниях. Не егзит, не теряется, а спокойно поглядывает по сторонам, будто век учился в нашем классе. Мне это понравилось. Звали новичка Борис Никитин.

Домой нам было по пути. По дороге мы обсуждали классные дела. Он спрашивал, строгая ли Мария Ивановна, часто спрашивает или нет. Не успел я оглянуться — уже дом. Вдвоем-то идти веселее!

И на следующий день мы вместе были. Как-то очень быстро подружились. Борис никого не знал и, ясное дело, держался за меня. А мне интересно было его послушать. В одиннадцать лет человек много успел повидать! Был на Кавказе, в Крыму, в Ленинграде. Привез раковины: приставишь к уху — слышно, как море шумит. И коллекция у него есть: бритвенных обертки и открыток, — не какие-нибудь цветочки, а виды самых красивых городов Советского Союза.

Послушал я, как он хвастает, и сказал, что у меня тоже кое-что есть. Привел Борис к себе.

Открываем двери, а в коридоре стук, гром, будто вулкан извергается. Борис даже вздрогнул.

— Что это творится?

— Сестренка, — говорю, — играет.

Наталка играла в поезд. Очень она это любит. Поезд я сам сделал: навязал на крепкий шпагат коробок из-под духов, папирос, даже свой старый пенал не пожалел. И всю эту музыку Талка волочила за собой по всей комнате и пыхтела, и гудела. Борька поморщился.

— И ты в таком шуме уроки делаешь?

Я говорю:

— Ну, не всегда она шумит, бывает и пердышка.

Талка довезла поезд до станции — под стол у нее станция — и бросилась ко мне:

— Толик пришел! Ну как, спрашивали сегодня?

Потом на Борьку загляделась и говорит:

— Этот ученик у нас не был никогда! Верно, правда?

Борис посмотрел, как будто перед ним человек, а муха, и напомнил мне:

— Ты что-то интересное обещал показать?

Я достал со шкафа три больших коробки моих трудов, моя гордость. В каждой — маленький кусочек луга. Цветы высушены особым способом, в песке, и не потеряли своих окраски. На цветах бабочки сидят и черные бархатные шмели... Все, как живое!

— Да, здорово сделано! Ты художник. Только это девчонкам больше интересно — цветочки... Вот у меня геологическая коллекция — и руда, и кварц, и плавленый шпат.

Что есть на свете плавленый шпат я в первый раз услышал. Спрашиваю:

— А где ты ее собирал?

— Нигде. Папа готовую купил, в магазине наглядных пособий. Он мне все покупает, что нужно по программе.

Талка ужасно любопытная. Сунула нос между нами и интересуется:

— Программа — что такое?

Борис опять скривился:
— Да у тебя поговорить нельзя! Детский сад какой-то!

Я отослал Талку в столовую, к маме. Борис спрашивает:

— А фотоаппарат у тебя есть? Нету? Так не зевай: сейчас в универмаге появились, очень хорошая марка. Я тебя научу и снимать, и проявлять — старый специалист!

Я потупился:

— Пока не собираюсь аппарат приобретать.



Он поднял брови, а потом вроде спохватился:

— Ну, да, у вас сколько детей? Конечно, денег не хватит. Родители, наверно, все той — младшей. Не повезло тебе! А вот я дома — один, как царь. Отец с матерью передо мной танцуют. Лучше б у тебя сестры не было, правда?

Я промолчал. Он скоро домой собрался. А я стал думать: как бы это было без Талки?.. Вот прихожу я из школы... Никто не встречает, дома тихо, как в больнице... Мама за меня берется — то съешь, другое надень... Папа вечером за газеты, и я — за газеты, — поиграть-то не с кем! Ну, нет, просто не знаю, как это жить без сестры! А с Борисом этим я больше не сяду. Пусть сидит один... как царь...

*Заслуженный деятель искусства
В. Конашевич*

УСПЕХА ВАМ, ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ!

В детстве каждый день и час приносит новые впечатления, новые и новые открытия. Эти впечатления хочется как-то удерживать, закрепить в памяти. Вот почему ты берешься за карандаш и краски и в рисунках стремишься воспроизвести то, что заметил твоей глаз, что привлекло твое внимание.

Тебя увлекает мир фантазии, ты рисуешь картинки на темы сказок, которые тебе рассказывает мать или бабушка; ты сам создаешь себе фантастический мир, рисуя корабли в бурю, битвы великанов, каких-нибудь диких зверей. Или просто изображаешь то, что у тебя перед глазами, — улицы, дома, трамваи, автомобили, деревья, небо, солнце... Впрочем, тут тоже иногда не обходится без фантазии. Одна маленькая девочка рисовала только пейзажи — городские, с домами и автомобилями, или деревенские, с деревьями и рекой, — и всегда, неизменно на небе изображала солнце — желтое или красное. От солнца шли лучи и упирались в землю. На кончике каждого луча девочка рисовала крошечный башмачок. «Ведь лучи солнышка ходят по земле!» — объясняла она...

В этом номере «Костра» напечатаны лучшие рисунки ленинградских школьников. Рассмотрите их внимательно. Взгляните, например, на рисунок, где изображен бульвар. Совсем не просто нарисовать дом и впереди дерево так, чтобы окна дома не перепутались с ветками, чтобы было видно, что дом стоит далеко, а дерево — ближе к нам. Так верно и убедительно нарисовать и дома, и дерево может тот, кто умеет внимательно, пристально наблюдать и умеет любить мир, который его окружает.

Ты вырастешь. Может быть, станешь настоящим, большим художником, мастером кисти или карандаша. А может быть, и не станешь им, выберешь себе какую-нибудь другую профессию. Но глубокое внимание ко всему, что видишь, умение сознательно наблюдать, приобретенные в детстве, станут твоей привычкой на всю жизнь.



СБОР МАКУЛАТУРЫ

Галя Белякова, 13 лет.



НА ПРИШКОЛЬНОМ ОГОРОДЕ

Люда Барашкова, 14 лет.



СНЕГОВИК

Миша Иванов, 12 лет.



СТРОИТЕЛЬСТВО

Андрюша Лященко, 12 лет и Коля Немчинов, 11 лет.



ЦИРК

Валерик Шендрик, 13 лет.



ФЕСТИВАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Нина Пискарева, 12 лет.



РУССКАЯ СКАЗКА

Павлик Глинский, 12 лет.



У КОСТРА

Как-то набрали на наш костер два брата — Старший и Младший.

Идут и спорят. К костру подсели — спорят. Даже поздороваться забыли.

— Ты не кипятишься, — говорит Старший брат. — Я десять классов давным-давно кончил, а ты еще шестиклассник. И кончать будешь только восемь классов. Кто же из нас больше может?

— Я не кипячусь. — отвечает Младший. — Во-первых, не восемь, а одиннадцать. Во-вторых, у тебя в восемнадцать лет был один аттестат, а у меня будет целых три: что я школу кончил, что я токарь четвертого разряда и что я шофер третьего класса. Зря мы, что ли, гараж строили? У нашей школы две машины! А в третьих, ты руками ничего не можешь, тебя учили только головой работать. А нас учат и головой работать, и руками. Авторучку — и то я тебе починил. Выходит, я больше могу.

— Доказал бы я тебе, малышу, — усмехнулся Старший, — да еще обидишься. Заплачешь, чего доброго.

— Ах, так! — рассердился Младший. — Собирай своих Старших, хоть десять человек. А я Младших соберу. Посмотрим, чья возьмет!

— Ладно, — согласился Старший, — это тебе наука. Старшего брата не учи.

Повернулись братья спинами друг к другу — и давай кричать во всю мочь, звать товарищей на подмогу.

Стало и нам интересно, чем дело кончится. Достали мы толстую пачку писем от ребят ленинградских и других школ. И словно разом собрались к нашему редакционному костру и Старшие и Младшие.

Предоставили слово Младшим.

— Я Алик Мельников. Я в шестом «а» учусь, в 49-й школе. Не знаю еще, кем буду, может,

моряком, — у меня папа моряк, — может, водолазом. Могу работать по дереву, могу и по металлу. Если кому надо лопатку, поднос, вешалку, уровень, распиловочный ящик, — только скажите, сделаю. Болты делаю, созки, скребки, оконные петли, ушки для замков. Разметку знаю, распиловку, гибку, опиливание, шлифовку. Пригодится!

Переглянулись Старшие...

— Меня зовут Коля Буйко. Я из шестого «б» 367-й школы. Хожу в механический кружок, работаю на станке. На токарно-винторезном. Люблю это дело. Станешь за станок, очки наденешь, заготовку вставишь, включишь рубильник — и пошло! Только начал — глядишь, и вечер кончился. Так бы всегда и работал. Нет, это пусть Алик идет в моряки, а мне станок больше нравится.

Уже не улыбаются Старшие. Слушают.



— Я люблю столярничать, а столяром не буду. Я, может быть, доктором буду. А в свободное время все равно столярничать стану. Я после уроков остаюсь и работаю, нам разре-



шают. Ящик смастерил для газет, полочку, ручку для швабры, спичечницу, ширму для кукольного театра. Ее мы вместе делали. Дома перечинила все табуретки, теперь жду, может, сломается что-нибудь. Мне бы еще буквой фанеры достать! Меня Олей зовут, фамилия Трусова. Седьмой класс Каменогорской школы.

— Я Еоза. Я котика вышил. Сам серенький, глазки черненькие, ротик красненький. А правда, что есть такие машины, которые сами материю делают и шьют сами, и вышивают? Вот интересно! Я бы посмотрел. Я в четвертом «в» учусь, в 458-й школе.

Вздохнули Старшие. Не умеют они котика вышить.



— Я Витя Лобзинов из седьмого «б» 337-й школы. Например, идете вы в поход, и, например, нужен вам топорик. Я его целиком сделать могу. Заготовки режу на фрезерном станке. Обрабатываю в тисках. Дырку в обухе сверлю на сверлильном.

На топорище насажу, заклепаю. Главное, что от начала до конца. Не было ничего, и вот — топор. И уж рубите, как хотите, не сломаётся.

— Знаете, из чего состоит накладка для замка? У нас в 200-й школе, в шестом «а», все знают. Из самой накладки, ушка, серьги и этого... ромбика. Могу сделать. Я либо на заводе буду работать, либо машины нозы придумать, либо я еще не придумала что. Меня зовут Проничева Нина.

Сразу две девочки заговорили.

— Я Наташа Матвеева.

— Я Нина Малярова.

— Мы из пятого «г» 212-й школы.

— Мы передники шьем и косынки.

— И швы знаем всякие.

— Стебельчатый.

— Вперед иголку.

— За иголку.

— Фланелевый.

— Тамбурный.

— Елочкой.

— Через край.

— Можем шарфик связать.

— А носки не можем. Но научимся.

— Это нас в школе всему научили.



Мальчик заговорил.

— Я научился рейки делать, и мы с папой построили клетку для наших чечеток. У меня чечетаха живет, только сейчас у нее зимняя спячка. Я очень животных люблю. Может быть, буду таким ученым, которые зверей изучают. Или птиц. Я в шестом «г» классе учусь, в 365-й школе. Зовут меня Слава Силин.

— Я Леня Малов из шестого класса Полянской семилетки. Нас столярному делу учат. Вот я дома и столярничаю. Скамейку сколотил, куда ведра ставить. Козе загородку сделал, дзерь на петлях, как полагается. А больше всего люблю

что-нибудь выращивать, проводить опыты разные сельскохозяйственные. Хорошо бы агрономом стать или на опытной станции работать...



Все сказали Младшие. Отступили, замолчали, смотрят на Старших. Ждут.

Только — что такое? Не хмурятся Старшие, не сердятся и как будто спорить не собираются.

— Вот чудaki! — говорят они Младшим. — И что вы на нас налетаете? Да мы за вас радуемся! Хорошо, что учат вас лучше, чем нас учили. Хорошо, что много знаете, много можете. Это нам очень нравится.

— Ну уж нет! — не сдаются Младшие. — Говорите, кто из нас в споре победил. Зря мы, что ли, старались? А то выйдет, что мы просто хвастались.

И тут подступили к нам и Старшие, и Младшие. Требуют, чтобы мы рассудили, кто больше умеет.

А рассудить их — дело нелегкое. Старшие — они, как известно, старше и умнее. Зато Младшие с самого начала руками работать приучены. А школу кончат — и уже хоть не мастера, но толковые подмастерья.

И сказали мы спорщикам:

— Ну-ка, прислушайтесь. Что слышно?

Стало тихо у костра.

— Бежит кто-то, — говорят Младшие.

— Верно, — отвечаем мы. — Это бежит Самый Младший. Он еще только в детский сад ходит. Вот он и есть победитель в споре.

Старших неплохо учили, но уж очень узенькая дорожка у них была, мало они умели. Младших куда лучше учат, у них столько дорог, что глаза разбегаются.

А уж Самого Младшего так хорошо научат, что он больше всех знает и уметь будет.

И тут подбежал к костру маленький мальчик.

— Старшие! Младшие! Вас мама домой зовет. Ужин стынет! Кто сейчас же не придет, того и вовсе домой не пустят!

Сказал — и убежал.

Тем спор и кончился. Потому что сколько бы ты ни знал и что бы ты ни умел, а маму слушаться — самое первое уменье.





ПУСТЬ ГОРЯТ КОСТРЫ

1. Туричин

Рисунок Л. Московского

Как-то зашел ко мне мой сосед по квартире пятиклассник Феликс.

— Я к вам по очень серьезному делу. У вас красивые березовые дрова. Не можете дать мне два полена?

Я удивился:

— Зачем тебе?

— В школу. У нас сегодня отрядный костер.

— В пришкольном саду?

— Нет, что вы?! — не то удивился, не то испугался мальчик. — В спортивном зале. Да вы не беспокойтесь. Я вам поленья верну.

Я дал ему два березовых полена и задумался.

...Пионерские костры. От одного воспоминания о них тепло становится на сердце!..

Я решил непременно заглянуть в школу, вспомнить свои ребячьи годы.

И вот стою в дверях спортивного зала. Около стен аккуратной буквой «П» поставлены низенькие гимнастические скамеечки. На них

расселось человек тридцать ребят. А в центре буквы «П» — костер: десяток поленьев, над которыми трепещут тонкие полоски бумаги, подсвеченные красной лампочкой. Лампочка и вентилятор, что шевелит бумажки, спрятаны в дровах.

Я глянул на ребят. Они равнодушно смотрели на мертвую кучку дров, слушали назойливый гул вентилятора. Им было скучно. Скучно и холодно. Они были похожи на стайку воробьев, которые уселись на тоскливо звенящий провод, нахохлились и прижались друг к другу, чтобы не озябнуть.

И мне самому вдруг стало холодно и скучно. И обидно, очень обидно за ребят, которые обманули самих себя, лишили себя необыкновенной, ни с чем не сравнимой радости посидеть на лесной опушке возле живого гудящего пламени, ощутить на щеках его ласковое тепло, проследить за взлетающими искрами, послушать шорохи леса.

Как бы хорошо мы ни сделали чучело соловья, соловей наш не запоет, чучело зайца не шевельнет настороженно ушами, и никогда не даст нам ни тепла, ни запаха, ни уюта... чучело костра. Возле него нам будет скучно и холодно.

Пионерский костер — бесценный друг многих юных поколений. Он родился вместе с пионерской организацией имени В. И. Ленина и стал одной из чудесных ее традиций. Он — символ нашего единения, нашей дружбы. Такой же веселый и жаркий.

Попробуйте зажечь одно полено, оно почадит-почадит и сникнет, погаснет чахлый огонек на нем. А если сложить поленья в костер, как дружно они вспыхнут ярким, горячим пламенем, бросая в небо снопы веселых искр!

Все мы с вами бывали на торжественных кострах, зажженных в честь какого-нибудь важного события на сборе дружины, а то и нескольких дружин. Скажем, в честь международного праздника трудящихся 1 Мая, или в честь дружбы советских пионеров с детьми других стран, или просто в день открытия пионерского лагеря. К этим кострам готовятся, их стараются сложить большой пирамидой чуть не в трехэтажный дом и зажигают в конце праздника, торжественно. Они вспыхивают так жарко, что к ним и не подойдешь.

Это — хорошие костры, честь им и место в нашей славной пионерской жизни!

Но ведь есть и другие костры.

Как-то во время путешествия по верховьям реки Оредежи поздним вечером заметил я огонек. Он мерцал алой звездочкой меж темных древесных стволов.

«Рыбаки... — подумал я. — Ловят на перемет или донные», — и пошел на огонек. Ведь он предвещал встречу с новыми людьми. А новые люди всегда интересны.

Я подошел поближе и увидел возле костра ребят, двенадцать мальчишек и девчонок. Они сидели на еловых ветвях. Пахло дымком и печеной картошкой.

Светловолосый паренек, стоя на коленях, помешивал палочкой в костре и рассказывал о звездах и звездолетах, о том, как полетят люди в далекие миры, что мерцают в темном небе.

Я долго и с интересом слушал, не выходя из темноты в освещенный костром круг.

Паренек помешивал горящий хворост, взлетали искры, и мне казалось, что это они там, на черном бархате неба, превращаются в теплые мерцающие звезды.

Никто не захлопал, когда паренек закончил рассказ. Товарищи его задумчиво смотрели на живое трепещущее пламя.

Я вышел из темноты и поздоровался. На меня с любопытством уставились двенадцать пар глаз.

— Извините, я невольно слышал ваш разговор, — сказал я. — Если не мешаю, разрешите посидеть у огня.

Ребята охотно подвинулись, а светловолосый паренек сказал:

— Чтобы вам, товарищ, было все понятно. Мы — звено. У нас сегодня костер Мечты и Фантазии. Как будут жить люди будущего и какими они будут, — он повернулся к своей соседке.

Девочка застенчиво взглянула на меня.

— Я хочу помечтать о будущем. Вот, ребята. Сейчас мы живем в больших дымных городах или в селах с русскими печками, от которых в избах тесно, а в недалеком будущем...

Я слушал девочку и смотрел на костер, так же, как и ее товарищи. И невольно вспоминал наши пионерские костры, что горели лет 25—30 назад. И мы тоже мечтали о будущем, и наши мечты сбылись.

Костер Мечты и Фантазии! Здорово!

А ведь можно зажечь и костер Задушевной Беседы, костер Песни, костер Встреч. И не только летом, но и в серебряном зимнем лесу.

Пусть же горят наши маленькие пионерские костры, веселые и жаркие, как наша дружба!





О. Ремез, режиссер ленинградского Театра имени Ленсовета

Рисунки А. Скалозубова

Драматург сочиняет пьесу. Артисты в ней играют. Художник пишет декорации, композитор — музыку.

А что делает режиссер?

Однажды вечером в институте, который готовит театральных работников, собрались студенты и стали спорить, с каким трудом можно сравнить труд режиссера.

Один сказал: «Режиссер — это офицер, командир в бою. Он руководит всеми, командует, ведет в сражение».

Другой, настроенный не так романтично, возразил: «Нет, это повар. Так же, как повар готовится блюдо из разных продуктов, так и

режиссер готовит свой спектакль и подает его зрителю».

«Режиссер — каменщик, который строит дом!»
«Архитектор, который его планирует!»

«Режиссер больше всего похож на переводчика», — сказал студент, сидевший в углу. И объяснил: «Переводчик переводит книгу, пьесу с одного языка на другой. Режиссер занимается тем же: переводит пьесу с языка литературного на язык театральный».

Кто был прав? Каждый — и никто. Режиссер, действительно, похож на архитектора, и на каменщика, и на командира, и даже на повара. И все-таки он — ни то, ни другое, ни третье. Это совсем особая профессия: режиссер.

Что же он все-таки делает?



РЕЖИССЕР ВЫБИРАЕТ ПЬЕСУ

Несколько лет назад мне предложили поставить в Ленинградском Театре имени Ленсовета старую классическую пьесу — комедию Фонвизина «Недоросль». Ей исполнилось недавно 175 лет.

...Помещики Простаковы взяли под опеку имение и имущество своей племянницы Софьи. Они ограбили ее, а теперь решают сбыть с рук — выдать замуж за грубияна и невежду Скотинина. Но как только Простакова узнает, что Софья — богатая наследница дяди своего, Стародума, планы помещицы резко меняются. Теперь она

прочит Софью в невесты своему сыну — избалованному неучу Митрофану.

Лишь вмешательство приехавшего за Софьей Стародума спасает девушку.

Белые парики и пышные камзолы дворян, драные кафтаны крепостных. Чета Простаковых, Скотинин, Митрофан... Очень уж в далекое прошлое они ушли. Нужно ли ставить пьесу сегодня? Какие новые мысли у зрителей она может вызвать?

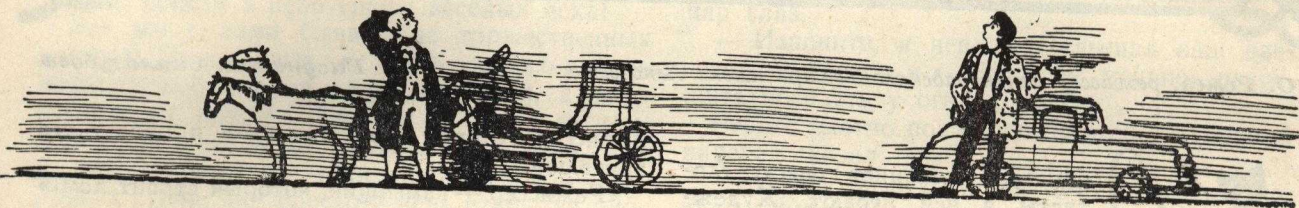
Я захопнул томик Фонвизина, вышел на улицу и направился в театр поделиться своими сомнениями.

Я шел по Невскому проспекту. Навстречу двигалась ватага молодых людей. Длинные пид-

человек, уверенно расположившийся на парапете набережной, это же... Митрофан. Да, да, тот самый!

Разве в том дело, что фонвизинский Митрофан носил камзол, а наш молодой человек одет в длинный зеленый пиджак? Разве нет и в нашем обществе пусть очень дальних, но все-таки несомненно потомков и сородичей Митрофана? Тех молодых людей, которые ленятся, бездельничают, которые нечестно служат своему Отечеству?

Нет, зря решил я сдать Митрофана в музей. Возвращаясь домой, снова перечитываю пьесу. И знакомые черты проступают сквозь далекие образы. Я угадываю остатки «скотининского»



жаки и узенькие брючки. Папироски в уголках рта, и не единого признака мысли в глазах.

Кого мне напоминают эти молодые люди? Кого-то хорошо знакомого. Где-то совсем недавно я читал... Пойдите! Да вот этот молодой

и «простаковского» в людях мне знакомых. Я сочувствую Стародуму, Софье, Милону. Надо помочь им в их борьбе с миром Скотининых! И об этой их борьбе мне и хочется теперь поставить спектакль.

Буду ставить!

РЕЖИССЕР СОЧИНЯЕТ СПЕКТАКЛЬ



С ижу и читаю «Недоросля». Читаю, как будто никогда раньше до этого не читал. Картины жизни героев комедии проходят перед моими глазами.

Откройте любую пьесу. Короткие описания мест действия, а в основном — разговоры действующих лиц. Автор как бы записал, что говорит каждый. А о чем каждый думает, когда молчит? Что он делает, когда говорит, — ходит он при этом или сидит, нервно курит или глядит в окно? Какие звуки слышатся в это время за окном, какая музыка раздается вокруг?

Я начинаю переводить сцену за сценой на язык театра.

«...Правдин (взяв книгу). Вижу. Это грамматика. Что же вы в ней знаете?»

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна.

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь? Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она прилагается к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена. Так та покамест существительна...»

Знаменитая сцена, когда Стародум и Правдин «экзаменуют» Митрофана. Представим себе, как это могло происходить в жизни.

...Комната, куда поместили «гостя» — Стародума. Раннее утро. Стародум едва успел подняться с постели, как к нему явился Митрофан в окружении всего семейства. Папа-Простаков тащит за сыном большую стопку толстых «учебных» книг — вот, мол, сколько дитя прочитать успело! Еремеевна, нянька Митрофана, несет кувшин кваса и полотенце.



А как Митрофан одет? В тот самый кафтан, который сшили ему в начале пьесы? У этого кафтана, конечно, огромные карманы, набитые всякой всячиной: пирожками, пышками, бабками для игры, пшеном — голубиным кормом... Могут быть у кафтана такие карманы?

«Обязательно посмотреть, — записываю в рабочем блокноте, — какие в XVIII веке шили кафтаны. Насчет карманов — уточнить».

...Начинается «экзамен».

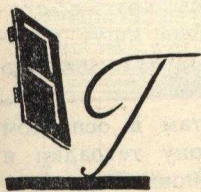
Вид у Митрофана торжественный, важный. Он изо всех сил старается «не ударить лицом в грязь». Каждый раз, ответив на очередной вопрос, Митрофан отходит к родителям, к Еремеевне, стоящим в стороне, — пьет квас, утирается полотенцем, отдыхает — ни дать ни взять боксер между раундами! Что ж, и вся сцена, если вдуматься, напоминает «кулачный бой», по-

единок: кто умнее — тому достанется в жены Софья с ее богатством. А «судьи» «состязания» — Правдин и Стародум.

На самый «трудный» вопрос — «Дверь — какая она?» — Митрофан, видимо, ответит не сразу. Он сначала будет долго присматриваться к двери, приоткроет ее, прислушается к ее скрипу, и лишь убедившись в том, что она «славно прилажена» к своему месту, уверенно ответит: «Прилагательна...»

(Интересно, кстати, как должна скрипеть эта дверь? Наверно, продолжительно, печально, словно жалуясь... Гоголь в «Старосветских помещиках» подробно рассказывает, как «пели» на разные голоса двери в помещицьем доме. Надо будет обязательно перечитать эти места в по-вести!)

РЕЖИССЕР ВСТРЕЧАЕТСЯ С ХУДОЖНИКОМ



де происходит действие комедии?

— В комнате Простаковых, — отвечает художник. — Я уже тут набросал кое-что. Вот здесь

слева изразцовая печь, в углу — лавка...

— Погодите. Почему в комнате Простаковых?

— Как почему? Да так всегда играют: одна декорация — комната Простаковой.

Мало ли что играют... На первой странице пьесы написано: «Действие... в деревне Простаковых». В деревне, а не комнате! Значит, нужны несколько декораций, а не одна!

И мы начинаем фантазировать. Художник увлекся, уже забыл о своих первых набросках, снова ищет, выдумывает, пробует...

Через несколько дней встречаемся в макетной мастерской театра. Перед нами — вырезанный из картона маленький макет будущих декораций. В «подмакетнике» — крошечной модели нашей сцены — картонный задний двор усадьбы. Здесь должно происходить второе действие пьесы. На

чердаке Митрофан будет гонять голубей, сюда же со скотного двора заглянет Скотинин, здесь же можно будет показать приготовления к возможному приезду Стародума. Художник придумал много интересного: вот бочка с водой, вот столб, на котором висит хомут, — подходящая обстановка для драки Митрофана со Скотининым. Все хорошо, но чего-то еще не хватает.

— Дверь!

— Что такое? — пугается художник.

— Дверь не на месте!

— Что вы! Дверь будет в полном порядке. Сделаем так, чтобы она открывалась.

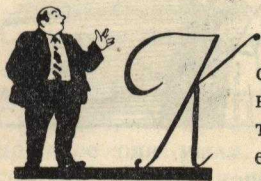
— То-то и плохо, что дверь «в порядке». Она же «шесту неделю не навешена стоит»! Она же еще «покамест существительна»!

Художник все понял, вырезал из картона новую дверь и ищет, куда ее поставить.

Картина за картиной, сцена за сценой совмещаются режиссер с художником. Наконец, все ясно. Художник отправляется писать эскизы, а режиссер...

О, у режиссера очень много работы!

РЕЖИССЕР РАСПРЕДЕЛЯЕТ РОЛИ



Кому предложить роль Скотинина? Кто у нас в театре толще всех? Артист Н. Вот ему и надо предложить ее. Да, да. И в прошлом спектакле он играл почти такую же роль. Значит, все будет в порядке. Погодите! Но он же просто повторит то, что играл в прошлый раз, а это — уже неинтересно. Не лучше ли дать роль Скотинина артисту М.? Он хотя и не так толст и никогда ничего похожего не играл, но... стоит вспомнить, каков артист М. не на сцене, а в жизни, какие смешные случаи происхо-

дили с ним во время последней гастрольной поездки театра... Да, очень интересно дать ему роль Скотинина! Он, правда, молод... Ну и что же? Никто в свое время не верил, что молодой артист Черкасов сможет сыграть семидесятилетнего старика. А он сыграл. Да как! Роль старого ученого Полежаева, исполненная Н. К. Черкасовым в фильме «Депутат Балтики», стала одной из самых больших удач мирового киноискусства!

Решено — роль Скотинина в спектакле будет играть артист М.!

Роль за ролью получает своего хозяина. Скоро можно будет приступить к репетициям.

РЕЖИССЕР РЕПЕТИРУЕТ



Завтра самым обыкновенным столом сидят артисты и режиссер. Перед режиссером — пьеса. В руках артистов — карандаши.

Читаем первое явление пьесы «Недоросль». Необычное, суматошное утро... Все в доме готовится к свадьбе Скотинина, приехавшего еще вчера с вечера. По протоптанной дорожке из амбара в кухню и обратно снуют слуги. Комната, в которой Митрофану спешно примеряют сшитый для торжественного случая кафтан, в беспорядке. Выдвинуты сундуки с жалкими остатками «движимого имущества» Софьи — ее приданым. Здесь же торопливо накрывают на стол. Все в доме ходуном ходит... кроме Митрофанушки: он озабочен лишь одним — как бы улизнуть от предстоящего ему урока...

И вот появляется Скотинин.

«...Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты?.. Где она? Не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?..»

Как должна быть сказана эта фраза? Бодро, жизнерадостно, или, наоборот, недовольно, с обидой?

Надо решать.

— А откуда я прихожу? — спрашивает исполнитель роли Скотинина.

Об этом, признаться, режиссер не подумал. А ведь от этого зависит и тон, которым скажет Скотинин свою первую фразу, и его жесты, и походка, и внешний вид...

— Жених приехал накануне, вечером? Так пусть он приходит прямо из бани! — предлагает

артист. — С веником подмышкой, довольный, сияющий. Часа два с дороги парился!

Всем очень нравится это предложение. Хорошо, что Скотинин явится довольным и счастливым, в ожидании свадьбы. Тем ярче можно будет показать его растерянность и злобу, когда свадьба сорвется.

Решено! Нужный оттенок интонации найден. Чтение продолжается.

Это первый этап работы над пьесой — так называемая «застольная читка». Читая, пока по тетрадкам, свои роли, советуясь друг с другом и режиссером, актеры сообща ищут интонации, жесты, ритм, в котором будут говорить и двигаться герои пьесы.

Когда линия действия артистам в основном ясна, они откладывают в сторону тетрадки и встают из-за стола. В репетиционной комнате ширмами, стульями, тумбочками выгораживается подобие будущих декораций.

Откуда и когда выходить, где сидеть, где стоять, что делать, когда по ходу сцены придется молчать? — эти и многие другие вопросы продолжают решаться актерами и режиссером.

Исполнитель роли папы-Простакова предложил забавную вещь: он хочет, чтобы его герой все время что-то вышивал. Так бы и ходил, не расставаясь с пяльцами!

Простаков — и пяльцы. Почему?

Все правильно. Если самодурша-крепостница Простакова стала полновластным хозяином дома, ее несчастному мужу ничего не остается другого, как стать «хозяйкой». Вот и ходит по дому безгласный, забитый Простаков, и вышивает гладью носовые платки.

Так намечаются мизансцены будущего спектакля.

Автор пьесы оговаривает, и то кратко, лишь некоторые мизансцены: «смотрит в окно», «примеряет кафтан», «обедает». В основном же их сочиняют режиссер и актеры

Главное в искусстве сцены, как и в любом другом искусстве, — правдивость. Артист должен сыграть роль так, чтобы зритель волновался, радовался, печалился вместе с героями пьесы, учился у них, как надо и как не надо жить.

Труден путь артиста к достижению жизненной правды. И первый помощник и друг его на этом пути — режиссер.

Требовательный и терпеливый педагог, режиссер учит актеров, воспитывает их, сводит их разрозненные усилия в единое целое, чтобы артисты, пусть даже очень талантливые, не мешали друг другу, а все вместе — каждый в меру сил своих и умения — служили бы решению одной, общей задачи: раскрытию главной мысли пьесы, ее идеи.

Так работали с артистами наши великие режиссеры — Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов. Так стараются работать сейчас советские режиссеры — их ученики.

...И текст, и все поведение героев пьесы стало для артистов «своим» текстом и поведением. Репетиции переносятся на сцену.

РЕЖИССЕР ВЫПУСКАЕТ СПЕКТАКЛЬ



Декорации готовы. Оркестр разучил партитуру, написанную композитором, артисты закончили работу над ролью.

Теперь все разнородные части спектакля надо соединить воедино. Режиссер становится организатором.

...Генеральная репетиция. Впервые весь спектакль идет без единой остановки. Режиссер превращается в первого зрителя.

В пустом зале, в первый раз смотрит он спектакль.

Пройдет еще несколько дней, зрительный зал наполнится публикой. Труд режиссера подвергнется самой строгой проверке. Но закончится ли на этом его работа? Нет. Спектакль идет



Декорации, музыка, свет, костюмы, грим — все подлежит его контролю.

— Почему нет пистолета на Простаковой? — останавливает репетицию режиссер.

Не удивляйтесь: «пистолетом» называется осветительный прибор, который забыли направить на актрису.

Репетиция продолжается. Но через несколько минут режиссер вновь останавливает ее.

— Почему не вступил оркестр?

Оркестр исправляет ошибку.

— Говорите, пожалуйста, отчетливее, — обращается режиссер к исполнителю роли Стародума. — Не могу понять смысл текста! И потом, что творится у вас с париком!?

второй, пятый, двадцатый раз. И пятый, двадцатый, двадцать пятый раз смотрит спектакль режиссер: нельзя ли что-нибудь еще изменить, уточнить, улучшить?

А сам в то же время думает над тем, что ему ставить дальше. Читает новую пьесу...

Театр — искусство коллективное. Все вносят в создание спектакля свой вклад — и художник, и артисты, и осветители, и гримеры.

Но возглавляет усилия этого коллектива, подчиняет все своему замыслу режиссер. Он — как дирижер оркестра, как архитектор, который строит дом... — нет, ни одно из этих сравнений по-настоящему не определяет его профессии. Поэтому что это совсем особая профессия: РЕЖИССЕР.



В заказном письме совершает путешествие в Венгрию фотография, которую вы видите на этой странице журнала.

Братский патруль Вязовской средней школы № 1 (Сталинградской области) рапортует:

«Мы познакомились с Андреем Ивановичем Валенским, участником Октябрьской революции и гражданской войны.

На торжественной линейке нашей дружины мы избрали Андрея Ивановича почетным пионером, повязали ему красный галстук и подарили цветы».

СЛУШАЙ, „ТАБОРТЮЗ“! РАПОРТУЮТ БРАТСКИЕ ПАТРУЛИ

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО. РАЗЫСКАНЫ МНОГИЕ
ВЕНГРЫ — УЧАСТНИКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.
ПАТРУЛИРОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

...1918 год. Гражданская война. Город Красноводск занят белогвардейцами. Первый Туркестанский Интернациональный полк послан на соединение с частями Красной Армии в обход, через пустыню. Чтобы не заметил противник, бойцы идут ночью. Через трое суток неприятель выбит из города...

Многие участники этой боевой операции были награждены орденами. Командиру венгерского батальона товарищу Яношу Варга вручил орден Красного знамени Михаил Васильевич Фрунзе.

Юнкора «Костра» Слава Васильков и Женя Шмидт разыскали товарища Варга. Он живет в **ЛЕНИНГРАДЕ**. Советский Союз стал для него второй родиной.

Откликнулись на призыв «Табортюза» и другие советские школьники.

...В **ВОРОНЕЖЕ**, во Дворце пионеров юные краеведы создали отряды братских патрулей. Они побывали у венгерского коммуниста, участника революционных событий Евгения Андреевича Лангера.

...Торжественно прошла в **СТАЛИНАБАДЕ** в 5-й средней школе встреча пионеров

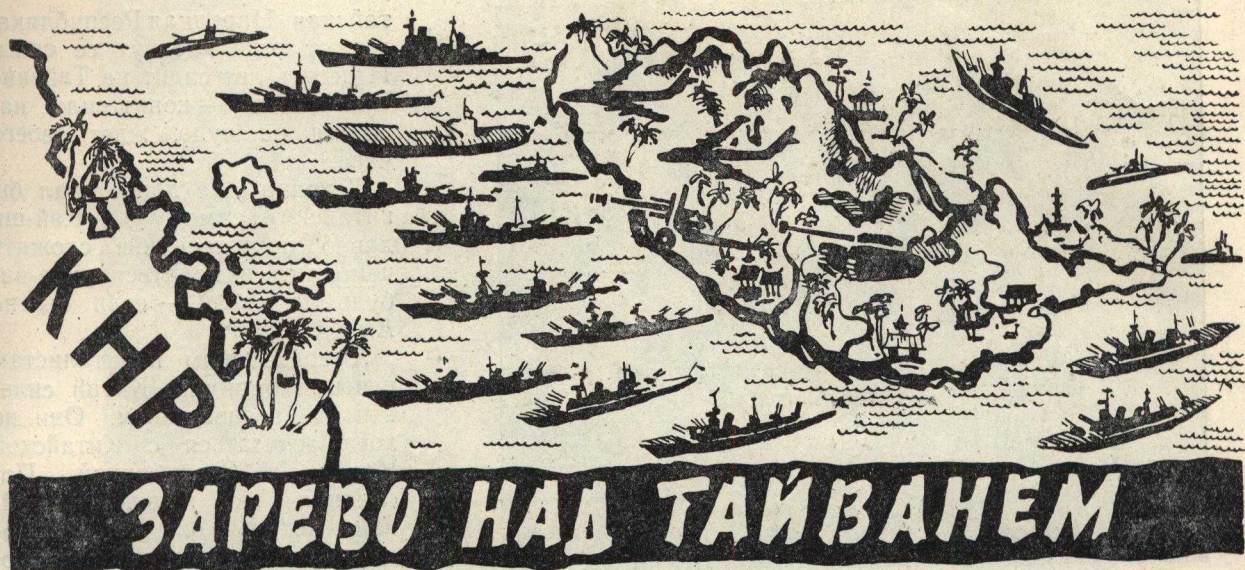
с Яношем Ивановичем Дьери и его другом Андреем Васильевичем Варгиным.

Андрей Васильевич и Янош Иванович сказали в своем выступлении так:

— Мы, венгры, вместе с русским народом боролись за дело Ленина, за дело Советской власти. И вместе с русским народом мы победили.

...ИЗ **СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ** от персонального пенсионера, коммуниста Ивана Яковлевича Арнголада и от красных следопытов 195-й школы Ленинграда пришли в редакцию интереснейшие письма с записями воспоминаний и копиями ценных архивных документов периода гражданской войны.

21 марта венгерский народ отмечает **сороклетие** со дня основания **первой Венгерской Советской республики**. В этот праздничный день красные следопыты рапортуют о результатах своих поисков. Отряды братских патрулей подружились со многими славными венграми-ветеранами — коммунистами, участниками революционных боев в Венгрии и Советской России.



Ю. Кузнец, Е. Тепер

Буря прекратилась внезапно, как и началась. Сквозь разорванные тучи проглянуло солнце, мгла рассеялась, и перед ошеломленными мореплавателями открылся прекрасный остров, с отлогими зелеными берегами, с горными склонами, покрытыми густым кустарником.

— Formosa! — воскликнул капитан, внимательно разглядывая береговую линию в подзорную трубу. — Formosa!.. — восхищенно повторил он.

«Формоза» по-португальски — «чудесный», «красивый». Слово, произнесенное так восторженно почти четыреста лет назад, прочно закрепилось на всех европейских географических картах.

Маленький островок в Южно-Китайском море, в ста пятидесяти километрах от материка. Сахарный тростник, бананы, ананасы, камфарный лавр. Уголь, нефть, золото...

Четыре века подряд Формоза переходила из рук в руки.

Португальские пираты, голландские купцы, японские, английские, французские капиталисты отвоевывали ее друг

у друга, враждовали, спорили, доказывали свои права. И никто из них не желал вспоминать, что остров, собственно, не японский и не французский — прежде всего он принадлежит своим коренным жителям — китайцам. Тем китайцам, которые населяют его вот уже две с половиной тысячи лет и которым от непрощенных гостей давно невмoguто...

Осень на острове — пора проливных дождей. Дожди льют днем и ночью. Люди укрываются в хижинах и покидают их только по крайней необходимости.

Так было и в сентябре 1945 года. Дул сильный, порывистый ветер. Реки набухли. С гор низвергались бурные потоки. Поля и дороги — все было затоплено.

Но на этот раз люди словно не замечали непогоды. Длинными вереницами тянулись они к побережью. Взрослые, старики, дети — каждый хотел убедиться сам, увидеть своими глазами, как от берегов отчаливают огромные военные транспорты.

Кончилось полувековое самурайское владычество! Разгромленные Советской Армией в Маньчжурии японские войска покидают остров!

Корабли скрывались за горизонтом. Яростно хлестал дождь. Солнце Свободы всходило над Тайванем. Тайванем, а не Формозой — вместе с независимостью к острову после многих лет вернулось его исконное китайское название.

Солнце свободы... Оно даже не успело как следует взойти.

По улицам тайваньских городов снова стучат солдатские каблуки. На дорогах скрежещут танки. Они врезаются в рощи драгоценного камфарного лавра, мнут гусеницами поля и цветущие сады. Весь Тайвань — одна большая казарма...

Что там португальские пираты шестнадцатого века! Современные пираты гораздо более бесцеремонны. И размах шире. И жадности больше. И замыслы идут гораздо дальше.

Прежде пираты дрались сами. Теперь — воздерживаются: «Зачем? Найдутся предатели.



Так учат их стрелять в своих братьев

Будут они за доллары таскать нам каштаны из огня!»

Предатели находятся. И один из самых матерых — палач китайского народа, верный слуга американских банкиров — Чан Кай-ши.

Самый богатый помещик и капиталист старого Китая, он тридцать лет жизни потратил на борьбу против коммунистов. После разгрома японских войск он вероломно развязал в Китае гражданскую войну и был уверен в победе. Еще бы! Ведь американские «друзья» вооружили до зубов чанкайшистские армии, дали им самолеты, корабли, направили в Китай своих солдат и офицеров под видом «советников»... Тщетно! Трудовой народ, возглавляемый Коммунистической партией Китая, отнял у чанкайшистов американское оружие и вышвырнул их с материка. В 1949 году Чан Кай-ши и его банда очути-

лись на последнем клочке китайской территории — на Тайване. Десять лет существует Ки-



Мундир американский, ружье американское...

тайская Народная Республика, год от года крепнут ее силы. И десять лет сидит на Тайване Чан Кай-ши — копит силы, надеется на чудо, ждет своего часа.

Тайвань уже давно стал бы китайским, самому Чан Кай-ши давно пришлось бы сложить чемоданы и податься куда-нибудь за океан, — если бы не Америка.

Американским капиталистам невыгодно видеть Китай сильным и независимым. Они не хотят считаться с Китайской Народной Республикой. Последняя их надежда — Тайвань, который они упрямо продолжают называть по-старому — Формозой.

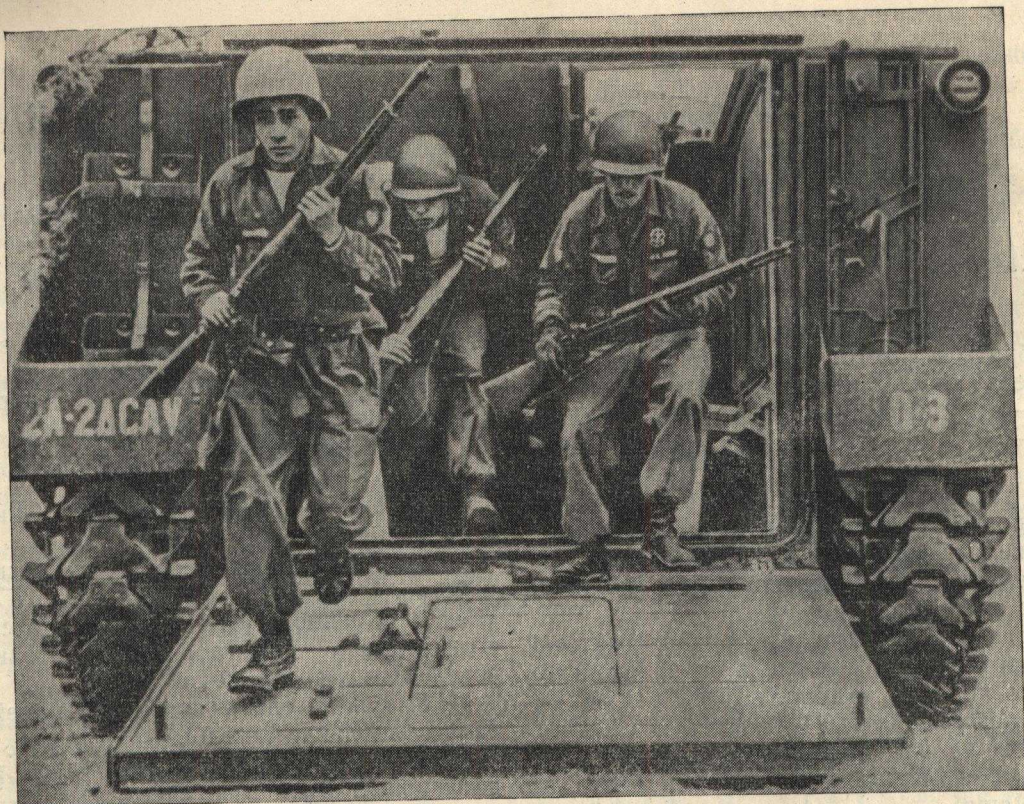
Пока Чан Кай-ши на Тайване, — есть возможность не признавать Народного Китая. Есть надежда, что в Китай вернутся старые порядки.

Посмотрите на снимок. Вы видите китайца, жителя Тайваня. На нем американский шлем. Он одет в американский комбинезон. У него в руках американская винтовка. А где-то позади стоит американский офицер, готовый пустить в него пулю, если тот откажется стрелять в своих братьев-китайцев.

Увы! На тайваньских солдат надежды мало. Только за минувший год семьдесят тысяч из них, облаченных насильно в чанкайшистскую форму, бежало за пролив, в Китайскую Народную Республику.

Недаром слезно жалуются в своих донесениях Чан Кай-ши. «Я не могу в полной мере доверять даже своим высшим офицерским чинам!...»

Потому-то на Тайване не все больше амери-



Незванные гости

канцев. Каждый день на аэродромах и в гаванях острова звучат слова американской команды. Все новые и новые заморские войска вступают на тайваньскую землю.

Шесть огромных авианосцев и десятки других военных судов — на якоре в тайваньских гаванях. Полторы тысячи самолетов — в тайваньском небе. Сотни тысяч чужаков-солдат — в фортах, щелях и блиндажах...

Зарево большой войны стоит над Тайванем. Войны, которая вот-вот может вспыхнуть.

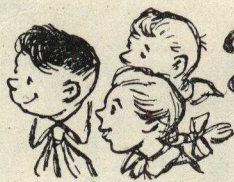
В конце лета прошлого года маленький, совсем маленький островок Цзынь-мынь-Дао (Куэмой), расположенный в

считанных километрах от материка, стал похож на разворощенный муравейник. На остров высадилось сто двадцать тысяч чанкайшистских солдат. Они лихорадочно стали строить укрытия, устанавливать орудия. Жерла пушек направились на материк. Залп, еще залп, — и в прибрежном рыбацьем поселке пали, обливаясь кровью, ничего не подозревавшие женщины и дети.

Сокрушительным ударом ответила Китайская Народно-освободительная армия на эту наглую провокацию. На остров Цзынь-мынь-Дао обрушился карательный огненный шквал. И американцы не посмели вступить за своих наемников...

Осень 1958 года. Пекин. За свою тысячелетнюю историю город видел много манифестаций. Но такой еще не знала древняя столица. В центре площади на высокой мачте гордо реет алое знамя с пятью золотыми звездами. Мимо правительственной трибуны, мимо красной стены бывшего императорского дворца и величественных «Ворот небесного спокойствия», строго соблюдая равнение, проходят колонны трудящихся. Суровые лица. Гневные иероглифы лозунгов: «Не хозяйничать американцам на китайской земле!», «Китай должен быть воссоединен!»

Зарево войны недолго осталось пылать над Тайванем.



Подшефная бабушка?



С. Богуславская

Рисунки Ю. Лобачева

Чтобы покончить с вопросом о шефстве, решили собраться у Вити Медведева дома.

— Теперь тебе, Витенька, опоздать будет трудно, — с притворным вздохом сказал Андрей. — Как же ты это, бедненький, переживешь?

Ребята захохотали, а Виктор буркнул: «Смотри, не опоздай сам!»

И все же в назначенное время дома оказался только дедушка. Он поздоровался с каждым за руку и сказал:

— Заходите, ребятушки, располагайтесь! Витя вот-вот придет. Уж очень он занятый: то кружки, то кино, то футбол.

Ребята переглянулись.

— Да вы не расстраивайтесь, дедушка, мы и без Виктора обойдемся. Мы — ненадолго, — сказала Маша.

— Обсудим вопрос об одинокой подшефной старушке, — засмеялся Андрей.

— И ничего нет смешного, — строго сказал Ковальчук. — Знаете, пионерам такое задание дано. Дело очень нужное. В общем, ребята, прошу высказываться.

Андрей опять засмеялся;

— По-моему, всех одиноких старушек уже расхватали. Разговорился я с одной — будто подходящая бабушка. Но только хотел приступить к главному: «Мол, не нуждается ли в помощи пионеров?», а она за часы: «Прости, —

говорит, — мальчик, мне пора на футбол. За дворовую команду болею». И сбежала!..

Ковальчук смеялся вместе со всеми, поэтому никак не мог установить порядка.

Вдруг щелкнул замок — ребята оглянулись. Витин дедушка, прижимая к груди две пустые бутылки, тихонько выскользнул за дверь.

— Пошел за кефиром, — объяснила

Маша. — Он все-все сам делает. Я ведь тоже в этой квартире живу, — вижу!

— Мысль! — закричал вдруг Андрей оглушительно. — Медведевский дедушка, вот кому мы поможем! Посмотрите, какой он одинокий старик.

— Какой же он одинокий? Они вдвоем с Медведем живут.

— От Медведя никакого толку, одно беспокойство.

— Все равно Витька не согласится, чтобы его дедушке помогали. Из самолюбия не согласится. Знаете, какой он!

— Мысль! — опять завопил Андрей. — Еще одна гениальная мысль!..

Но в это время дверь отворилась, и в комнату вошел Витя* Медведев.

— Как! Вы уже собрались? — удивленно спросил он.

— Ничего, ничего, — перебил его Андрей, отчаянно подмигивая ребятам. — Знаешь, Медведев, мы старушку нашли! Ничего старушка, но... со странностями. Стеснительная очень. Поручения будет передавать через Машу. «Я, — говорит, — давно ее знаю». А что? Так даже интереснее. Правда? У всех — обыкновенные бабушки, а у нас — таинственная!

Ребята едва сдерживали смех.

Спас положение Ковальчук.

— Так вот, Медведев, тебе первое задание, — как всегда вполне серьезно произнес он. — Каждое утро — бутылку кефира. Деньги завтра получишь у Маши.

— А по пути захвати папирос, — прибавил Андрей.

— Как?! Разве бабушки курят? — удивился Медведев.

Эх, нехорошо получилось. Сейчас Медведев догадается, и все пропало. Но тут Андрей сказал серьезно:

— Еще бы! Я сто раз видел! Скажи



и за такую спасибо: ребята из пятого «а» давно шефствуют, а мы не можем?

На другой день — пока Витя был в школе — Маша уговорила дедушку помочь ребятам, и все пошло превосходно. Квартирная плата вносились вовремя, нужное лекарство доставали немедленно, хлеб покупали самый свежий. Без дела ни один пионер не сидел.

Медведь, увлеченный своими «нагрузками», ни о чем не догадывался. Правда, иногда он думал о странной старушке. Интересно, какая она! Может быть, похожа на его деревенскую бабушку?

— Как ты думаешь, дедушка, есть у этой бабушки внук?

Дедушка только улыбался в усы: «Не знаю...»

...Скоро вместо одной бутылки кефира Медведь стал покупать две: «О бабушке я забочусь, а мой дедушка по-прежнему все делает сам? Нехорошо!» — рассудил он.

Постепенно Витя увлекся хозяйством и взял на себя работы как о таинственной бабушке, так и о собственном дедушке.

С двумя бутылками кефира дедушке удавалось расправляться. Двойные порции сахара, макарон и крупы, — это тоже полбеда. А вот молоко, масло, сметана? Просто беда.

— Почему это у нас каждый день молоко прокисает? — заинтересовался Медведь. — Ты, наверное, ничего не ешь, дедушка?

В среду вечером Медведь притащил на спине мешок картошки.

— Крупная, в два кулака, — с гордостью объявил он, сваливая тяжелую ношу и вытирая разгоряченное лицо. — Да что ты, дедушка, пугаешься, когда я что-нибудь при-

ношу? Ведь половина пойдет бабушке!

И вдруг от этих безобидных слов дедушка пришел в ярость.

— Бабушка? Как бы не так! Бабушке... — он хотел еще что-то прибавить, но, встретив недоуменный взгляд внука, пробормотал:

— Не ест она, понимаешь, ничего не берет!

— Как не берет? — растерялся Медведь. — Быть не может!

— Да вот так! — снова вскипел дедушка и, распахнув дверцы шкафа, полез на табуретку.

Полетели на пол промасленные свертки, застучали по столу черствые булки... Сметана, которую дедушка сунул Медведю под нос, вдруг на глазах полезла из банки. Медведь застыл на месте и стал похож на вопросительный знак.

И надо же было тут появиться Андрею.

— Я к тебе, Витя... Подшефная старушка прислала привет. — Андрей сделал невинное лицо. — Уехала, понимаешь... в неизвестном направлении. А... зачем это вам столько продуктов?

Медведь подозрительно посмотрел на

товарища и вдруг «заревел»:

— Морочили меня, да? Твоя выдумка! — Он схватил Андрея за плечи и стал трясти: — Сознавайся!

— Так ведь ради твоего дедушки, дурень! — ответил спокойно Андрей. — А ты хорош! Подвел нас. Ведь никто не думал, что ты так молниеносно перевоспитаешься.



ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ОПРАВДАЛСЯ

— Стыдно до сих пор считать на пальцах, — говорит мама четверокласснику Франку, — должен считать в голове.

— Хорошо, мама, но у меня одна голова, а пальцев десять!

СКРОМНАЯ ПРОСЬБА

— Папа, купи мне горн.

— Но ведь ты будешь трубить над ухом, и я не смогу работать.

— Нет, папа, я буду трубить только тогда, когда ты будешь спать.

Перевела с польского В. Мороз

...ЧТО ПРОИСХОДИТ В МИРЕ ТЕХНИКИ?

На высоту более 200 километров поднимаются советские исследовательские ракеты. Одну тайну за другой открывают эти необыкновенные автоматические лаборатории, оборудованные сложнейшими приборами. Радиосигналы каждой ракеты — это множество новых сведений о свойствах верхних слоев атмосферы, о плотности воздуха на разных высотах, его химическом составе, температуре и многом другом. По программе Международного геофизического года советские ученые запустили более 130 таких ракет!

* * *

6000 километров предстоит пройти по глубоким сутограмм Антарктики новому советскому снегоходу «Пингвин». Замечательная машина построена харьковским машиностроительным заводом для четвертой советской антарктической экспедиции. В алюминиевом доме на гусеницах расположились лаборатория и гостиная, спальня и кухня. Общая площадь помещений — 32 квадратных метра.

* * *

Новый летательный аппарат — турболет конструкции советского инженера Рафаэлянца. Эта машина, и отдаленно не похожая на самолет, может взлетать без разбега, висеть неподвижно над землей, вертеться волчком в воздухе и даже летать задом наперед. Машина предназначена для различных исследовательских целей.

* * *

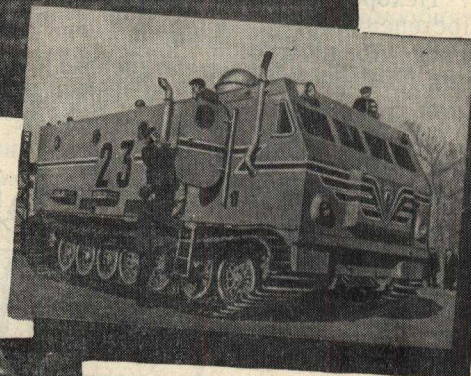
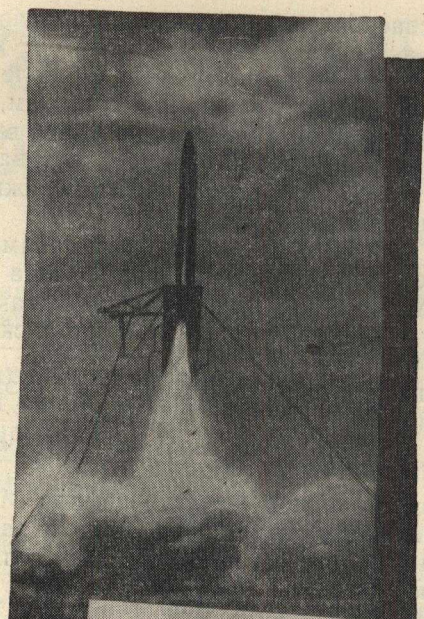
Противоогненный костюм из специальной ткани, изготовленной в Народной Польше, выдерживает более 1000° жары. Человек, одетый в такой костюм, может спокойно работать в жарком пламени. Польские пожарные уже испытали и одобрили эти костюмы.

* * *

Эта удивительная машина летает совсем, как птица. Даже машет крыльями. Новый орнитоптер построен и испытан недавно в Западной Германии. Как сообщают газеты, аппарат вряд ли будет служить делу мира. Он стоит в ангаре охраняемый американскими солдатами.

* * *

И уж, конечно, совсем не с мирными целями взлетает со стартовой платформы новый американский управляемый снаряд «Матадор»...





СТИХИ

УКРАИНСКОЙ ШКОЛЬНИЦЫ

ПИОНЕРКА

Недалеко от украинского города Канева есть небольшое село. Я попал в это село, когда ранняя золотая осень тихо шелестела по Украине. Во дворах, словно ручные маленькие солнца, лежали тыквы. Сливовые деревья были уже голы, и лишь кое-где свисали синие звездочки слив в легких морщинках. Особенно красиво было в лесу, у Днепра. Медленно слетали листья. С каждого дерева по-своему: кленовые — важно, покачивая выступающими плавниками; сухонькие листочки вербы бросались стремглав, как будто их кто-то очень ждал внизу. Земли уже не было видно, ее покрыла мягкая шуршащая простыня листьев; земля сверкала золотом так торжественно, что было как-то неудобно ступать по ней. Но вот лес внезапно кончился, и в глаза брызнула нестерпимая синева Днепра...

Во всей природе было розлито столько красок, столько поэзии!

И не удивительно, что Наташа Ксенофонтова, дочка хозяйки дома, в котором я остановился, стала читать свои стихи.

Она учится в восьмом классе. Она прибегает из школы, помогает матери по дому, пасет корову на желтых широко раскинувшихся склонах оврага. И вся эта милая украинская земля с ее ветряками на пригорках, с несметными воробьиными стаями на придорожных кустах, с гоготанием гусей и мерным рокотом машин, везущих зерно, вдохновляет девушку и заставляет ее руку тянуться к перу. Есть в ее тетрадке стихи о трудолюбивом украинском народе, о пионерах, о школе.

Стихи ее еще не очень умелые, но в них есть по-настоящему поэтичные наблюдения. И если в будущем из Наташи не вырастет поэтесса, то она станет читателем, понимающим и любящим стихи. Я перевел два стихотворения из Наташиной тетрадки.

Олег Шестинский



Снег падал, липкий и тяжелый, белым-бело все замело, а девочка из дальней школы через сугробы шла в село.



Клопочут снежные просторы, пугают тучи землю тьмой, и нет той тропки, по которой ходила девочка домой.

Ей щеки щиплет ветер зимний, и сумка на спине, как груз. Метет метель.

«Куда идти мне?

Как я до дому доберусь?»

Но девочка сказала вьюгам: «Бушуйте вы хоть дотемна, пунцовый галстук стал мне другом.

Я — пионерка. Я — сильна».

Пошла сквозь ветры ледяные настойчивее и смелей, и вдруг акации родные в снегу мелькнули перед ней.

Свистел в оврагах ветер грозный, метались тучи в небе, злы, вороны прятались под сосны, и были белки все белы.

Раскинулись, как в сказке, поле

и хаты отчего села... У пионерки сила воли уже в характере была.

БЕРЕЗЫ

Росли в селе березы; у них на чудо стать; никак не могут козы их ветки обглодать.

Колючками акаций закрыт к березам путь, козлятам не пробраться, рогами не боднуть.

У ребятешек праздник, — пыльца летит с берез, их Петрик-пятиклассник вокруг плетнем обнес.

Березы очень рады такой своей судьбе: «Спасибо вам, ребята, из пятых «а» и «б».

Наташа Ксенофонтова



Рисунки Ю. Смольникова

ГЛАВА X В КОТОРОЙ СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ С УЖАСАЮЩЕЙ БЫСТРОТОЙ



Ночь кончилась. Круглая луна насмешливо улыбалась в бледно-розовом небе. Шесть ржавых гвоздей, по одному для каждого уха, лежали в карманах палачей.

К восходу солнца площадь была заполнена. Бездельники стояли, переминаясь с ноги на ногу, и, вытягивая шеи, глазели по сторонам.

Взошло солнце и стало быстро подниматься по небосводу. Шум на площади усилился.

На балконе дворца появился хан.

— Начинайте! — приказал он.

Палачи по ступенькам поднялись на вершушку башни. Восемь стражников сдвинули с места крышку.

Жаркие лучи солнца проникли в башню.

И вдруг изнутри ее вырвалась тонкая струйка дыма. Стражники отшатнулись.

Дым становился все гуще и гуще.

— Они сожгли себя! — закричали в толпе.

В это мгновение из открытого люка показалась горбатая спина верблюда. Подталкиваемый снизу, он пролез через люк, раздулся в пузырь и стал подниматься вверх.

Раздались крики изумления.

Под верблюжьей тушей, парящей в воздухе, все увидели привязанную веревками доску, а на ней — три человеческие фигуры.

Когда шкура, надутая горячим воздухом, поднялась над дворцом, какой-то предмет сорвался с доски и шлепнулся к ногам Бассейна.

Это была стоптанная туфля.

Сшитый из верблюжьей шкуры воздушный шар поднимался все выше и выше, унося мастеров и их товарища от мести тщеславного хана.

Увлекаемый свежим утренним ветром, шар пролетел над городом, оставил позади пригородные селения и понесся над пустыней.

Желтое море песка с черными полосками сухой травы проплывало внизу. Утомленный бессонной ночью, Нигугу спал. Мастера сидели на доске, свесив ноги.

Солнце уже взобралось на самую макушку неба, когда Нигугу проснулся.

— Послушай, дружище, что это за горы вдали? — спросил мастер Буртик.

— Лиловые горы.

— Отлично! Значит нас несет прямо к цели.

И мастера затянули веселую песенку:

Мы любим песню, любим труд,
Мы дружим навсегда.

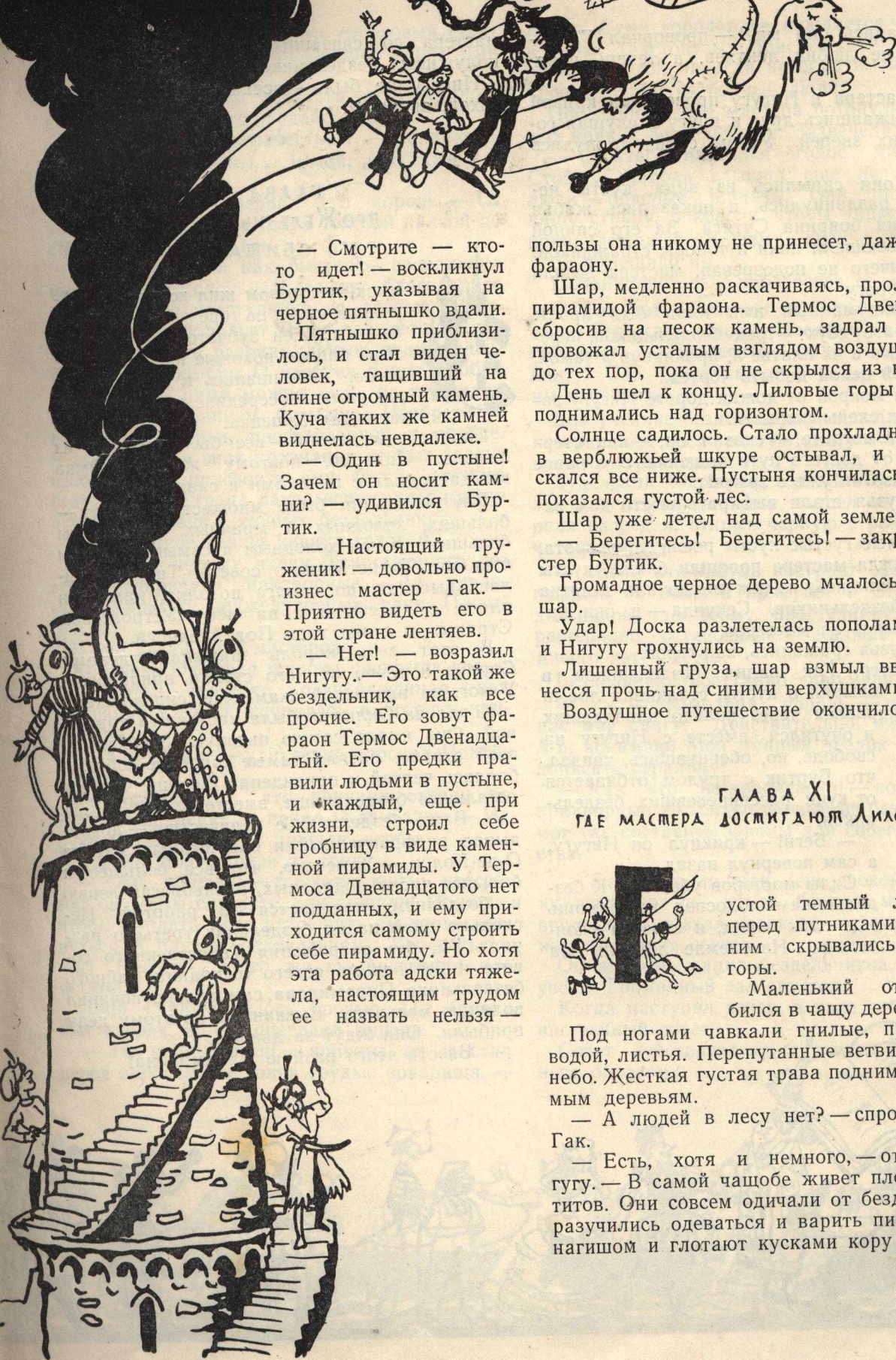
А потому — тирим-тарам! —
Нам не страшна беда.

Хотя и знаем: труден путь,
Мы по нему пойдем,
Пока — тирим, — пока — тарам! —
Злодеев не найдем.

Никто не смеет унывать,
Пока есть верный друг.
Есть цель — тирим, есть друг —
тарам! —

И пара сильных рук...

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 1959 год.



— Смотрите — кто-то идет! — воскликнул Буртик, указывая на черное пятнышко вдали.

Пятнышко приблизилось, и стал виден человек, тащивший на спине огромный камень. Куча таких же камней виднелась невдалеке.

— Один в пустыне! Зачем он носит камни? — удивился Буртик.

— Настоящий труженик! — довольно произнес мастер Гак. — Приятно видеть его в этой стране лентяев.

— Нет! — возразил Нигугу. — Это такой же бездельник, как все прочие. Его зовут фараон Термос Двенадцатый. Его предки правили людьми в пустыне, и каждый, еще при жизни, строил себе гробницу в виде каменной пирамиды. У Термоса Двенадцатого нет подданных, и ему приходится самому строить себе пирамиду. Но хотя эта работа адски тяжела, настоящим трудом ее назвать нельзя —

пользы она никому не принесет, даже самому фараону.

Шар, медленно раскачиваясь, пролетел над пирамидой фараона. Термос Двенадцатый, сбросив на песок камень, задрал голову и провожал усталым взглядом воздушный шар до тех пор, пока он не скрылся из виду.

День шел к концу. Лиловые горы все выше поднимались над горизонтом.

Солнце садилось. Стало прохладно. Воздух в верблюжьей шкуре остывал, и шар спустился все ниже. Пустыня кончилась. Впереди показался густой лес.

Шар уже летел над самой землей.

— Берегитесь! Берегитесь! — закричал мастер Буртик.

Громадное черное дерево мчалось прямо на шар.

Удар! Доска разлетелась пополам, мастера и Нигугу грохнулись на землю.

Лишенный груза, шар взмыл вверх и понесся прочь над синими верхушками деревьев. Воздушное путешествие окончилось.

ГЛАВА XI

ГДЕ МАСТЕРА ДОСТИГАЮТ ЛИЛОВЫХ ГОР



Еустой темный лес лежал перед путниками. Где-то за ним скрывались Лиловые горы.

Маленький отряд углубился в чащу деревьев.

Под ногами чавкали гнилые, пропитанные водой, листья. Перепутанные ветви закрывали небо. Жесткая густая трава поднималась к самым деревьям.

— А людей в лесу нет? — спросил мастер Гак.

— Есть, хотя и немного, — ответил Нигугу. — В самой чаще живет племя проглотов. Они совсем одичали от безделья; даже разучились одеваться и варить пищу, — ходят нагишом и глотают кусками кору с деревьев.

— Попадись они мне! — проворчал Гак. — Никогда не любил лентяев, а теперь ненавижу!

Ночь мастера и Нигугу провели на кривой сосне, прижавшись друг к другу и слушая голоса диких зверей. Утром снова тронулись в путь.

Когда они скрылись из вида, кусты неподалеку раздвинулись, и показалась жабья физиономия боярина Сутяги. За его спиной поблескивали пики и топоры стражников.

Ничего не подозревая, мастера вышли на дорогу.

Придуманный ими план был прост: поймать двух — трех бездельников, переодеться в их платье и, проникнув в замок, любой ценой добыть чертеж.

На мокрой от дождя дороге Нигугу заметил следы лошадей.

— Смотрите, — сказал он, — как стерлись от долгого пути подковы. Это наши враги. Они уже в замке!

Друзья стали выбирать место для за-сады.

Самые густые кусты росли у поворота. Но когда мастера подошли ближе, кусты зашевелились, из них выскочило десятка два бездельников. Секунда — и они набросились на мастеров.

Друзья сражались, как герои.

Мастер Гак валил бездельников в грязь, швырял в кусты, сталкивал лбами. Он прорвался через кольцо нападавших и очутился вместе с Нигугу на свободе, но, обернувшись, увидел, что Буртик с трудом отбивается от кучи рассвирепевших бездельников.

— Беги! — крикнул он Нигугу, а сам повернул назад.

Силы мастеров убывали. К бездельникам подоспел на помощь еще один отряд, и схватка окончилась. На земле лежали оба

мастера со связанными руками и десяток полуживых бездельников.

Нигугу не было — воспользовавшись суматохой, он исчез.

ГЛАВА XII ПРО ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАМОК И ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ



амок, в котором жил король Подайподнос, стоял на горе и со всех сторон был окружен зубчатой стеной. Четыре башни, похожие на шахматные лады, возвышались в четырех углах замка, посередине торчала остро-конечная башенка.

Башни, пол, стены — все было сделано из железа. Наверно, поэтому жители замка всегда ходили с шишками и синяками.

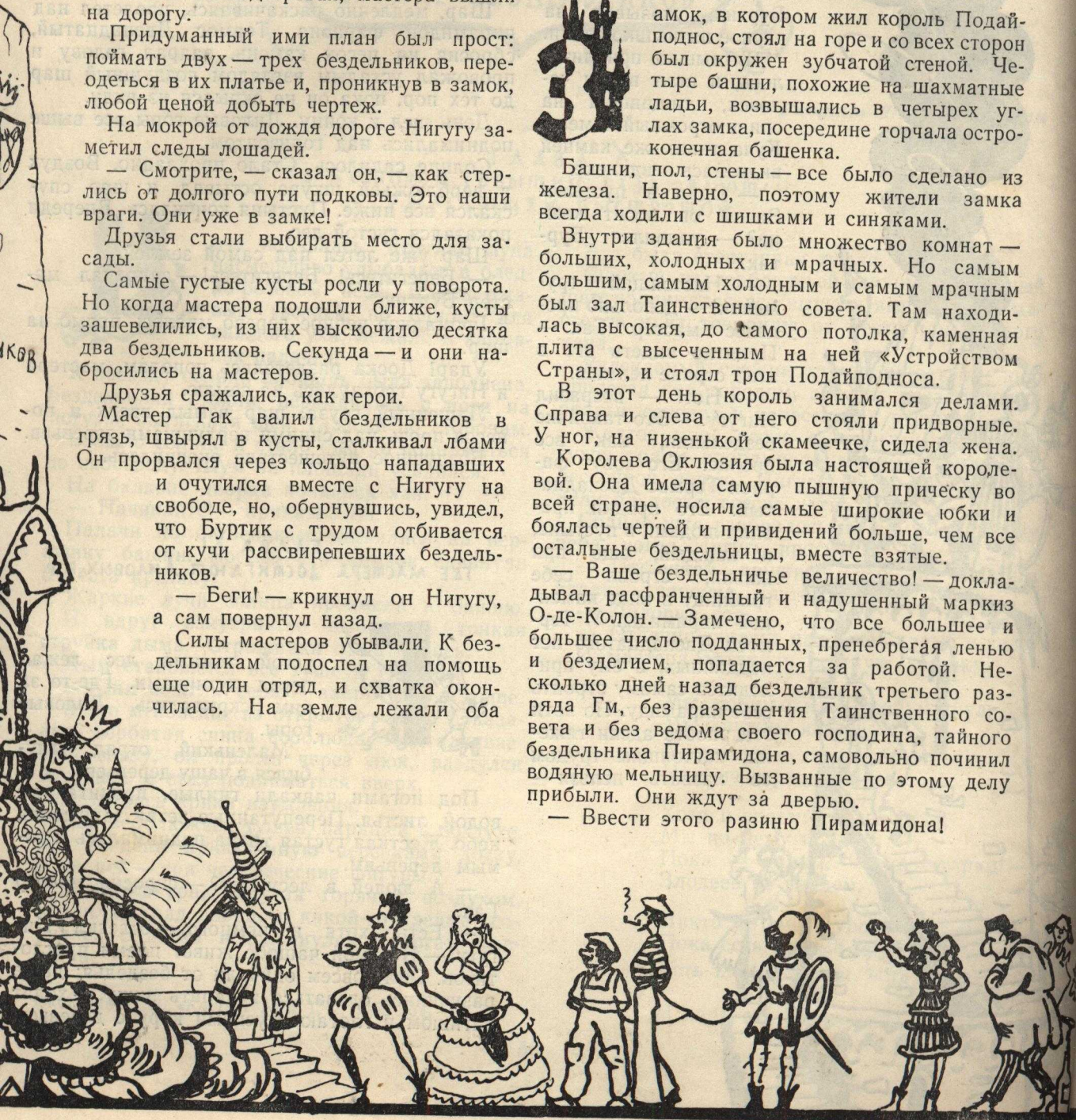
Внутри здания было множество комнат — больших, холодных и мрачных. Но самым большим, самым холодным и самым мрачным был зал Таинственного совета. Там находилась высокая, до самого потолка, каменная плита с высеченным на ней «Устройством Страны», и стоял трон Подайподноса.

В этот день король занимался делами. Справа и слева от него стояли придворные. У ног, на низенькой скамеечке, сидела жена.

Королева Оклюзия была настоящей королевой. Она имела самую пышную прическу во всей стране, носила самые широкие юбки и боялась чертей и привидений больше, чем все остальные бездельницы, вместе взятые.

— Ваше бездельничье величество! — докладывал расфранченный и надушенный маркиз О-де-Колон. — Замечено, что все большее и большее число подданных, пренебрегая ленью и безделием, попадаете за работой. Несколько дней назад бездельник третьего разряда Гм, без разрешения Таинственного совета и без ведома своего господина, тайного бездельника Пирамидона, самовольно починил водяную мельницу. Вызванные по этому делу прибыли. Они ждут за дверью.

— Ввести этого разиню Пирамидона!



В зал вкатился сухой, как гороховый стручок, бездельник в пышном камзоле с грязными кружевами.

— Можешь ли ты доказать свою невинность? — спросил его Подайподнос.

— Ва-ва-ваше в-величество... — запинаясь, начал стручок, — мы... м-мой, так сказать... э-э...

— Довольно! — прервал его король. — Ты убедил меня. Четыре удара толстой палкой по спине бездельнику Гм.

— Как мудро и как быстро! — воскликнул маркиз О-де-Колон. — Я слышу благодарное сопенье этого преступника за дверь... Следующее дело обрадует Ваше величество. Бездельник первого разряда, доктор поджелудочных наук Плюмбум О изобрел новые пробки для вина. С ними можно пить, не утруждая себя откупориванием бутылок. Изобретение состоит из дырки, просверленной в пробке. Я предлагаю в знак признания особых заслуг изобретателя присвоить ему звание тайного бездельника. Страна давно испытывает нужду в докторах наук — тайных бездельниках.

Подайподнос важно кивнул головой.

— Слава новому члену Таинственного совета! — закричали придворные. — Да здравствует доктор поджелудочных наук Плюмбум О!

В зал ввели двух мастеров.

Королева Оклюзия широко раскрыла глаза. Знаменитая прическа, разукрашенная, как цветочная клумба, качнулась в сторону прибывших.

— Кто такие? — удивленно спросил Подайподнос.

— Потомки тех, кто покинул страну во время наводнения, — начал О-де-Колон. — Их руки в мозолях. Они пришли, чтобы...

Король приподнялся на троне.

— Они пришли! — торжествуя, прогремел он. — Вы слышите, они пришли! Пришли, чтобы умолять меня разрешить им вновь вернуться. К плугам, наковальням... Работать на нас! Негодяи, долго же вы заставили нас ждать!

Лицо Гака налилось кровью. Он сделал шаг вперед, но его опередил Буртик.

— Ты ошибаешься! — крикнул он и стал перед королем, заслонив грудью товарища. —

Народ Семи городов не нуждается в тебе и в твоих толстопузых приспешниках. Ни мы, ни кто другой никогда не обратимся с такой просьбой. Мы свободные люди...

Последние слова мастера потонули в злобных криках бездельников. Зазвенели мечи.

— Стойте! — раздался голос маркиза. — Стойте. Король слышал еще не все. Эти люди — опасные шпионы. Они проникли в нашу страну, о король, чтобы украсть нечто, принадлежащее Вашему величеству. Само небо помешало им.

Подайподнос сел, побагровев от злости.

— Так вот вы зачем явились? — протянул он. — Угрожать королю. Посягать на мою собственность? Принесите сюда черно-белую книгу. Они преступники и надо определить им наказание.

Два ученика-бездельника выбежали из зала и вернулись, неся толстую книгу с черными и белыми страницами.

Худенький подросток, одетый в белый балахон с желтыми звездами, вышел по знаку короля вперед и, открыв черную страницу, стал читать нараспев:

— «Если кто-нибудь построит снаряд, плавающий по воде, и прибудет в Страну Бездельников, то этому преступнику...» — чтец растерянно остановился. — Дальше в книге ничего нет — пусто.

Бездельники испуганно зашумели.

— Хм, — промолвил король, — подай поднос мне книгу!.. Действительно, ничего нет... А-а, понимаю! Мой мудрый предок поленился дописать страницу!

— Как это по-королевски! — воскликнули придворные. — Только первый из бездельников мог так составить законы для своего государства.

— Эти люди лишили меня спокойствия. От их взглядов по спине бегает мурашки, — вполголоса сказал маркизу король. — Пусть ждут решения совета.

Он жестом удалил бездельников. Мастеров увели. Громадный зал опустел.

Когда наступил вечер, в зале собрался Таинственный совет.

Совет действительно проходил таинственным образом.



Все окна были закрыты железными ставнями. Горела единственная свеча. Лица тайных бездельников, желтые с фиолетовыми пятнами вместо глаз, еле различались в полутьме.

Зал был так устроен, что, когда говорили, нельзя было понять, откуда идет звук. Это было сделано для того, чтобы никто из заседавших не отвечал за то, что говорилось и делалось в Совете.

— Члены Таинственного совета! — медленно начал чей-то голос. — Вспомните дни, когда непокорная чернь собралась толпами и под водительством своих главарей и изменника Алидады ушла через Лиловые горы.

Прошло много лет. Стерлись в пыль камни, по которым шли бунтовщики, но остались мы — лучшие из достойных безделья.

Однако жизнь в стране останавливается. Некому пахать землю и собирать урожай, шить одежду и пасти коз.

Надо вернуть народ, иначе нас ждут голод, холод и погибель...

При словах «голод» и «холод» по залу проносился тихий стон. Желтые пятна лиц закачались из стороны в сторону.

— Выход есть! — раздался резкий голос. — Двое из нас отправились год назад через Лиловые горы по следам ушедших. Они нашли страну и добыли самый важный из чертежей. Вот он...

В воздухе зашелестел невидимый лист.

— В нем наше спасение. На чертеже нарисована летательная машина, придуманная Алидадой, а на обороте записано, как делать изрыгающее огонь вещество, именуемое — порох. Мы должны построить эту машину и сбросить горящие бочки с порохом на головы жителей Семи городов. Мы должны выгнать их из домов и погнать через Лиловые горы...

Говорящий на минуту умолк, и новый, гнусавый, голос ликуяще выкрикнул:

— ...назад в нашу страну!

В зал словно ударила молния. Желтые лица заматались вверх и вниз, с грохотом валились скамейки, бездельники хрюкали и визжали от восторга.

Красное пламя свечи металось, как в бурю...

Под утро Таинственный совет постановил: «Заменить двум мастерам все виды наказания работой. Заставить их построить летательную машину и изготовить двести бочек пороху.

В помощь мастерам назначить две сотни бездельников потолще.

Дабы разбирать слова, написанные в чертеже, приставить к мастерам на время работы королевского чтеца, обученного тайной грамоте.

На время работы разрешить мастерам ходить по Железному замку, а секретный надзор за ними поручить придворному сыщику по имени Фискал».

Тотчас это решение маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга передали мастерам.

— Ни за что! — сказал мастер Гак.

— Будем строить! — согласился мастер Буртик.

ГЛАВА XIII ПОСВЯЩЕННАЯ ЛРУАУ



Первый раз в жизни друзья поссорились.

Они сидели в разных углах каморки и не разговаривали друг с другом.

Прошел час.

В дверь каморки постучали, и на пороге появился худенький подросток в балахоне с желтыми звездами.

— Эта! — представился он и грустно кивнул головой.

— Эта? — переспросил пораженный Буртик. — Эта? — повторил он. — Дочь Нигугу?

Да, перед ними стояла Эта, отнятая у Нигугу четыре года назад королевскими стражниками.

Узнав, что она среди друзей, Эта растерялась и долго не могла поверить, что ее отец жив и находится на свободе.

— Я буду помогать вам, чем только смогу! — говорила она. — Но, пожалуйста, дайте слово, что не оставите меня, если решитесь бежать. И еще... помогите мне найти отца.

При этих словах она заплакала.

Успокоив девочку, мастера сами начали расспрашивать ее. И вот что они узнали.

В далекие времена в стране многие умели читать и писать.



Некоторым была даже известна тайная грамота. Ею записывались самые важные открытия и законы. Но после Великого наводнения учиться стало некому. Шли годы, и последний грамотей — тайный советник Аскофен — под тяжестью лет и безделья стал слепнуть и еле волочил ноги.

Когда весть о чудесной девочке донеслась до Железного замка, Поддайподнос велел доставить ребенка к нему. Эту отдали Аскофену учиться тайной грамоте. Так у короля снова появился человек, способный читать чернобелую книгу и старинные бумаги.

— А где наш чертеж? — вспомнил Буртик.

— Вот он! — Эта достала из рукава свернутый трубкой пожелтевший лист.

— Читай, скорей читай!

Эта начала читать.

Под рисунком остроносой машины было написано: «Р-А-К-Е-Т-А».

Так вот что изобрел много лет назад великий ученый Алидада! Не тяжелый, обшитый медью корабль с неуклюжими крыльями и слабой машиной, а стремительная огненная ракета должна оторвать человека от земли и завоевать для него небо.

Надписи на чертеже рассказывали, как построить ракету, движимую порохом, а на обороте говорилось, как сделать порох из угля, серы и белого порошка — селитры.

— Ракета, ракета, ракета! — запел Буртик и захопал в ладоши.

— Прости меня, дружище, — с горечью промолвил мастер Гак, — теперь и я понимаю, что строить машину надо.

— Вы хотите улететь? — испуганно спросила Эта.

Буртик кивнул.

— Но вам не позволят даже подойти к ней, когда все будет готово. В замке говорят, что после постройки корабля вы будете заживо замурованы в стену.

— Не так просто нас туда запихнуть! Что-нибудь придумаем...

Однако придумать мастера пока ничего не смогли.

Шел день за днем. Мастера то часами просиживали с Этой, слушая ее рассказы о нра-

вах королевского двора, то чернее тучи бродили по замку.

Все следили за ними, все торопили.

Даже сам начальник королевской стражи — закованный в железо, в шлеме с глухим забралом — несколько раз попадался мастерам у дверей их каморки.

Надо было приступать к работе.

Как-то раз Буртик, подойдя к окошку, стал смотреть на остроконечную башенку, возвышавшуюся над замком.

— Занятная штука, — пробормотал он. — Послушай, Эта, что находится в башенке?

— Она пустая и вот-вот упадет, — отвечала девушка, — зачем она вам?

— Пустая... пустая... Ведь она похожа... Гляди, дружище, — готовая ракета! Только придумать хвост и лети!

Мастер Гак взглянул через плечо и ахнул: тонкая, длинная, с острым шпилем на конце, башенка стояла нацеленная в небо, будто готовая к полету.

— А бездельники? Как отвлечь их внимание?

— Постройте им какую-нибудь большую игрушку, — робко посоветовала Эта.

— Придумал! — мастер Гак грохнул ладонью по столу. — Они хотят летать? Пусть строят корабль. Как мы когда-то, с крыльями. Только из дерева и без машины. Работа на целый год. А когда поймут, что такие не летают, будет поздно. Ну, как?

— Согласны!

Так было решено строить два корабля: деревянный — для отвода глаз, и железный — для побега.

На другой день работа началась.

Днем мастера сколачивали корабль из бревен и досок, которые им подносили бездельники.

Ночью рубили от стен куски железа, плющили его в пластины и приклепывали к бокам остроконечной башенки.

Работа двигалась медленно. Бездельники спали на ходу, доски валялись у них из рук.

Пригнали еще сотню бездельников, еще более толстых и ленивых. Их послали в подвалы готовить порох.



Когда первые бочки пороха были готовы, к бочкам приставили часового. Им оказался знакомый мастерам чемпион бездельников — Бескалош.

Бездельники, понукаемые мастером Буртиком, дробили серу, терли в порошок березовый уголь, сеяли селитряную пыль. За стеной на бочке с порохом мирно похрапывал Бескалош.

ГЛАВА XIV

КОТОРАЯ СЛУЖИТ

ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПРЕДЫДУЩЕЙ



Наступила зима.

Жизнь в замке стала очень трудной.

С железного потолка свесили белые носы ломкие сосульки.

— Апчхи! — только и слышалось по углам. — Апчхи!

Но работа не прекращалась.

Сто бездельников под руководством мастера Гака продолжали строить деревянный корабль. Он стоял, как обглоданная рыба. Между его кривыми ребрами свистел ветер и пролетали голубые снежинки.

— А ну, не бездельничать! — покрикивал Гак на своих лохматых помощников, и те, подышав на окоченевшие пальцы, нехотя принимались стучать молотками.

Внизу, в полутемном подвале другие сто лентяев набивали порошок бочку за бочкой. От угля их физиономии стали совсем черными. Они были похожи на чертей, сбежавших из ада.

Рос корабль. Росли ряды бочек в подвале. Росло и беспокойство мастеров.

Надо было во что бы то ни стало закончить постройку ракеты до того, как будет готов крылатый корабль.

Мог раскрыться и обман. Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга целыми днями вертелись около мастеров.

Мастера торопились.

Когда замок погружался в сон, они вместе с этой поднимались в остроконечную башенку и принимались за дело.

Дверь в башенку закрывалась плотно, и только очень острое ухо могло слышать через нее веселые звуки их работы.

«Клиньг-клиньг! Цвик-цвик!» — ковал мастер Буртик.

«Ж-ж-жик! Ж-ж-жик!» — пилил железо мастер Гак.

«З-з-зу, з-з-зу!» — пело сверло.

«Хуп-хуп-хуп!» — выравнивала пластину деревянная колотушка.

Сыщик Фискал, назначенный Таинственным советом для секретного наблюдения за мастерами, ревностно исполнял свои обязанности.

Заметив, что по ночам мастера уходят куда-то из своей каморки, сыщик решил выследить их.

Несколько раз он пробирался к башенке и подслушивал у двери.

Это заметил Буртик.

Чтобы проучить сыщика, он приделал под замочной скважиной, куда припадал носом Фискал, круглую железную ручку. Теперь нельзя было заглянуть в башенку, не задев ручки лицом.

Морозы по ночам стояли лютые.

Не прошло и двух ночей, как сыщик решил снова отправиться на разведку.

В глухую полночь он прокрался по пятам мастеров к остроконечной башенке и начал подслушивать.

Наконец из-за двери стало долетать какое-то звяканье и скрежет.

Фискал приблизил глаз к замочной скважине.



Ничего не разобрать!

Он нагнулся еще ниже, вытянул шею, высунул язык и... о ужас!.. коснулся им холодного, как огонь, железа.

Язык тотчас же примерз.

— А-а-ааа! — завопил сыщик и завертелся, как пескарь на крючке.

Из башенки высочили мастера. Сбежались бездельники.

Под дверью развели костер. На язык сыщику стали лить горячую воду. Язык оттаял, и Фискал, завывая, убежал вниз.

С тех пор он держался подальше от башенки.

Мастера могли работать спокойно.

Наконец внутри башенки выросли сложные механизмы. Четыре треугольных руля были прикрепаны к ее бокам. Нижняя часть загружена порохом. Болты, которыми крепилась башенка к крыше замка, ослаблены и подпилены.

Ракета была готова. Настала ночь отлета.

Гак и Буртик в башенке с нетерпением ждали Эту.

Но в замке не спал еще один человек — королева Оклюзия сидела у тусклого полукруглого зеркала в своей спальне и выдумывала новую прическу. Когда двести пятьдесят четвертый по счету локон был старательно уложен на место, взгляд Оклюзии упал на окно, которое выходило на крышу замка.

По влажной, мерцающей в звездном свете, крыше медленно шла белая фигура.

Королева взвизгнула так, будто ей опустили за шиворот лягушку. Пя-

тась задом, она покинула комнату и помчалась по коридорам в спальню мужа, опрокидывая юбками часовых.

— А? В чем дело? — вскрикнул, просыпаясь, перепуганный Подайподнос.

— Яв-яв-яв, — бормотала Оклюзия, стуча зубами. — Яв-в в-видела привидение! — И она рассказала о таинственной фигуре.

Тотчас же на крышу был послан отряд стражников.

* * *

Осталось пятнадцать минут до назначенного мастерами часа сбора.

Эты не было.

— Я не полечу без нее, — хмуро произнес Буртик.

Гак кивнул.

Прошел час... второй. Забрел рассвет — девушка не являлась.

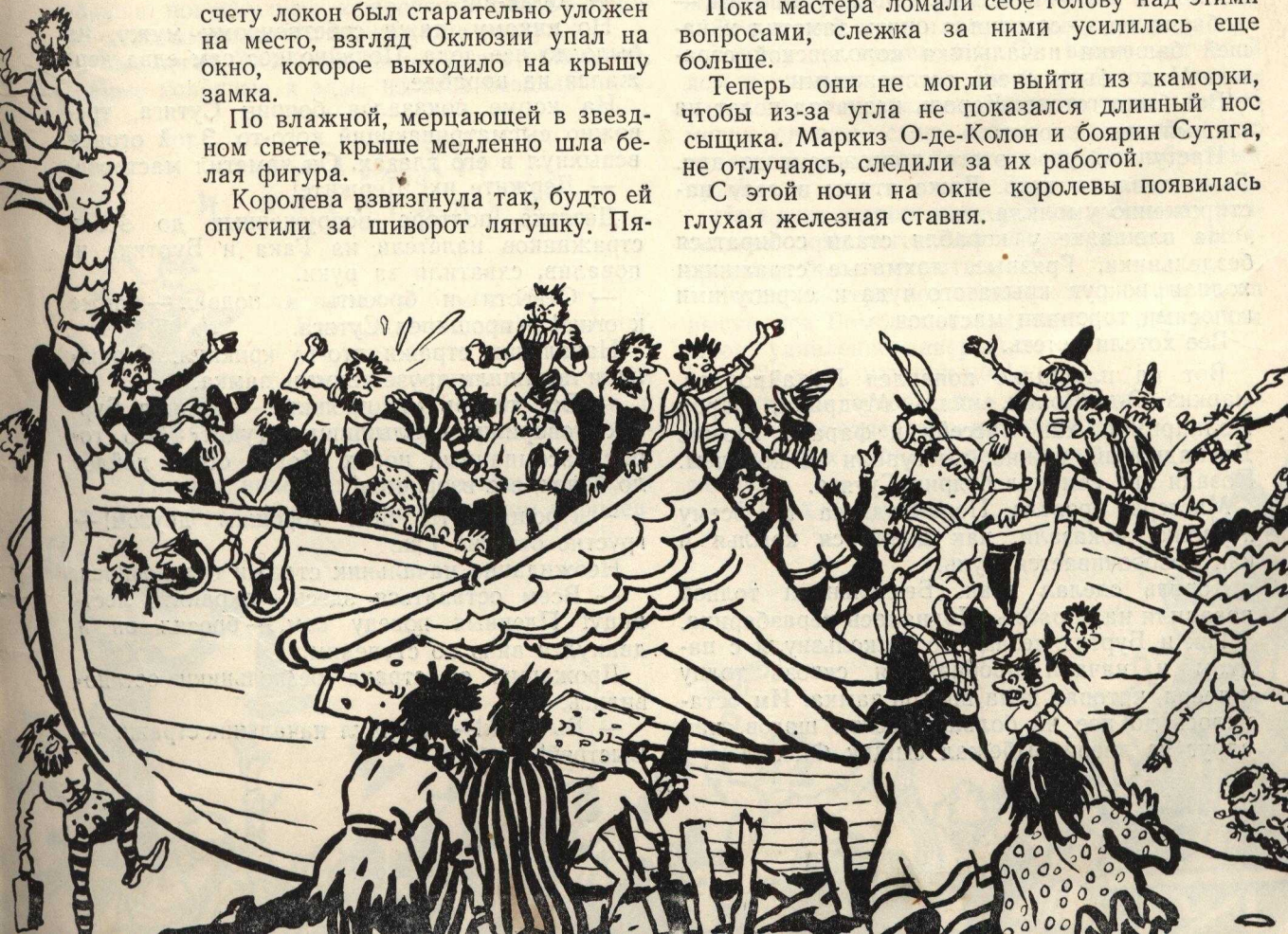
Днем мастера узнали о ночном происшествии. Эту, когда она, закутанная в свой балахон, шла к башенке, схватили стражники и по приказу короля бросили в секретную камеру для особо важных преступников.

Как помочь Эте? Сможет ли она сохранить тайну? Догадались ли бездельники, куда и зачем шла их пленница?

Пока мастера ломали себе голову над этими вопросами, слежка за ними усилилась еще больше.

Теперь они не могли выйти из каморки, чтобы из-за угла не показался длинный нос сыщика. Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга, не отлучаясь, следили за их работой.

С этой ночи на окне королевы появилась глухая железная ставня.





ГЛАВА XV

С НЕВЕРОЯТНЫМИ СОБЫТИЯМИ, В РЕЗУЛЬТАТЕ
КОТОРЫХ ПОВЕСТВОВАНИЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К КОНЦУ

абота заканчивалась.

Раскинув по-птичьи крылья и задрвав к небу нос и корму, корабль стоял на площадке. От короткой мачты к бор-

там тянулись веревочные лесенки. Громадные крылья под напором ветра тихонько покачивались и скрипели.

— Сделаем так, — предложил Буртик товарищу. — Когда бездельники сядут в корабль и начнут раскачивать крылья, проберемся к секретной комнате, сломаем дверь и вместе с Этой побежим к башенке. Включим двигатель и — в небо. Остановка у хижины Нигугу. Забираем его — и домой... Между прочим, — добавил он, — сегодня я опять заметил у нашей башенки начальника королевской стражи. Надо быть очень осторожными.

Все было готово. Король назначил полет на первый день апреля.

Наступило утро этого долгожданного дня. Было тепло и тихо. Даже птицы в лесу настороженно умолкли.

На площадке у корабля стали собираться бездельники. Грязные, лохматые стражники ходили вокруг крылатого чуда и скрипучими голосами торопили мастеров.

Все хотели лететь.

Вот на площадке появился Подайподнос, маркиз О-де-Колон, князь Мудрила, барон Полипримус, хан Бассейн и фараон Термос. Двенадцатый важно выступали за королем. Позади них семенял боярин Сутяга.

Мастера провели Подайподноса по всему кораблю, показали, как движутся крылья и как поворачивается руль.

Король сделал знак. Бездельники толпой повалили на корабль. Поднялась неразбериха.

Гак и Буртик незаметно соскользнули с палубы и начали пробиваться сквозь толпу к двери, которая вела внутрь замка. Им оставалось до нее не больше десяти шагов, как вдруг из двери выбежал сыщик Фискал.

— Беда! — завопил он. — Бездельник Бескалош уронил свечу в кучу пороха. Все выходы из замка в огне. Пожар! Пожар!

— Проклятье! — воскликнул маркиз О-де-Колон. — Летим быстрее! — Оттолкнув Подайподноса, он сам схватился за руль. — Двигайте крылья, негодяи! Двигайте крылья!

Последние из бездельников с воем лезли на корабль. Королеву Оклюзию сбили с ног и вытолкнули за борт. Зацепившись платьем за гвоздь, она повисла вверх ногами. И вдруг прическа — ее знаменитая прическа! — отделилась от головы и полетела вниз.

Вместо пышных золотистых кос все увидели торчащие в стороны тоненькие, как поросычие хвостики, пучки черных волос.

— Ай-ай-ай!

Но никому, даже собственному мужу, не было до нее дела. Подайподнос сам едва держался на корабле.

На корме показался боярин Сутяга, тревожно высматривающий кого-то. Злой огонек вспыхнул в его глазах. Он заметил мастеров.

— Держите их! Держите!

Десятка полтора вооруженных до зубов стражников налетели на Гака и Буртика и, повалив, схватили за руки.

— Отвести и бросить в подвал — ближе к огню! — прошипел Сутяга.

Начальник стражи что-то крикнул. Стражники потащили друзей внутрь замка.

— Вот теперь мы пропали! — шепнул Буртик товарищу. — Слышишь — гудит? Это горит рассыпанный порох. Когда огонь дойдет до бочек, все взорвется!

— Прощай, ты был хорошим другом! — грустно ответил Гак.

Неожиданно начальник стражи остановился.

— Всем оставаться здесь — охранять лестницу! Пленных поведу сам, — бросил он и двинулся вниз по ступеням.

Дрожащие от страха бездельники остановились.

— Быстрей! — крикнул начальник стражи. — Быстрей!

Враг мастеров вел себя непонятно.

Он свернул в узкий коридор и потайной лестницей стал подниматься снова наверх.

Лестница кончилась. Перед мастерами была крыша и дверь остроконечной башенки.

— Внутрь! — приказал их вожатый и первый полез в дверь.

В башенке стражник снял шлем.

Мастера ахнули: перед ними стоял одетый в железные латы с чужого плеча Нигугу — здоровый и невредимый. Из-за его спины выглядывало бледное, но счастливое лицо Эти.

— Потом, все расспросы потом! — торопил мастеров Нигугу. — Огонь уже у бочек!

Все бросились в башенку.

— К взлету! — командовал Буртик, как только перерезанные веревки упали к его ногам.

Буртик нажал кнопку. С ревом загорелся порох. Башня вздрогнула. Один за другим лопнули державшие ее болты.

Ракета рывком поднялась в воздух.

Мимо ее окон пронеслись башни, окутанные дымом, и корабль, набитый бездельниками. По желтой ленточке дороги ползла темная точка. Это приближался к цели гонец, посланный полгода назад князем Мудрилой.

Замок уходил вниз, становясь все меньше и меньше. Затем блеснуло пламя, железные башни покачнулись, и крепость бездельников с ужасным грохотом взлетела на воздух.

Так погиб Железный замок и его обитатели, самые коварные и злые из всех бездельников.

ГЛАВА XVI И ПОСЛЕДНЯЯ



Как попал в замок Нигугу?

Разгадка оказалась простой. Очутившись в лесу один, он решил выполнить намеченный план: поймать бездельника и в его платье проникнуть в замок.

Нигугу повезло: враг, который попался ему в руки, оказался начальником королев-

ской стражи. Этот вояка из лени никогда не снимал глухой шлем, закрывающий лицо. Нигугу легко проник в замок и стал жить в нем, никем не узанный.

А перепуганный до полусмерти и раздетый до трусов стражник? Скорее всего он убежал в лес и, одичав, присоединился к племени проглотитов...

Пока мастера слушали рассказ товарища, ракета, прорезая облака, со свистом неслась вперед.

Леса, желтые пески, снова леса, города и, наконец, море. Синее, большое... Ракета словно повисла над ним без движения.

Но вот показался берег и стал расти на глазах.

— Вижу цветные пятнышки! — воскликнул Буртик. — Это город маляров. А вот и корабельщики. Смотрите — целая экспедиция выходит в море. Это за нами! Глеб Смола стоит у борта и машет рукой. Вот мы и летим, старина!.. Приготовиться к посадке!

Все вцепились друг в друга. Буртик наклонил рули вниз, нос ракеты опустился, и она, вздымая тучи песка, шлепнулась на берег.

Мастера, Нигугу и Эта вышли из ракеты.

Со стороны порта к ним толпой бежали корабельщики.

Гак и Буртик стояли, держась за руки, и жадно смотрели на родные места.

Эта щекой прижалась к плечу отца.

Нигугу не шевелился. Он вспоминал свой дом и думал о судьбе Гм и других по-настоящему хороших бездельников, которые теперь могли сделать свою страну счастливой. Кто знает, не собирался ли он уже в обратный путь?

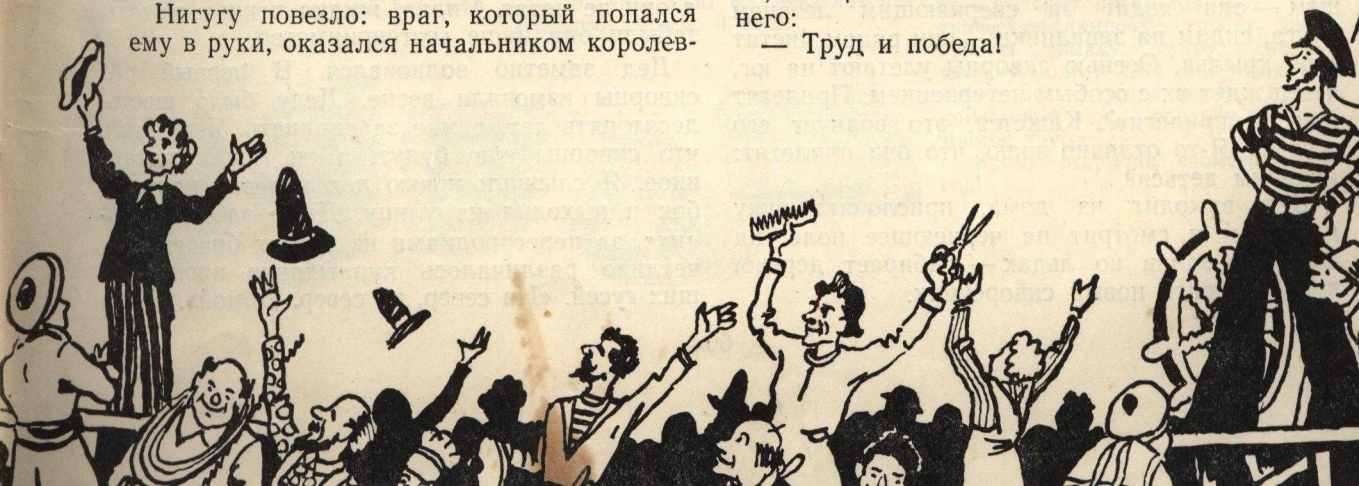
На мачте домика мастеров по-прежнему развевался красно-голубой флаг. Дверь гостеприимно была открыта.

Когда мастера подошли ближе, из форточки высунулся Бомбрамсель и, широко раскрывая клюв, удивленно заверещал:

— Тр-рр-р, цок-цок-цок!

Потом он встопорчил блестящие перышки и отчетливо произнес слова, которых столько лет ждали от него:

— Труд и победа!





Борис Сергуненков

Рисунки В. Орлова

Когда дед приносит в свою комнату груды досок, вынимает из плетеной корзинки молоток, рубанок, стамеску, я знаю, что скоро прилетят скворцы.

Из года в год, за неделю до того, как прилететь птицам, дед возится над скворечником. Слышно, как по сухому распластанному дереву ходит рубанок: шарк, шарк; как попискивает пила-жалобница. Дед дотошливо чертит угольком прямые линии, намечая стенки будущего домика, долбит круглое окошко-дверь и завершает работу торжественными ударами молотка.

Домик готов. Дед, весь в стружках, курит сигарету, держит скворечник в одной руке и сквозь дым, окутавший комнату, разглядывает свое изделие. Он пробует, не шероховаты ли доски, крепко ли сбиты, прочно ли держится крыша, и убеждается, что все плотно, все хорошо, в домике хоть сам живи, так он сух, светел, и так кругло окошко, что кажется солнце само туда вкатится.

С нетерпением дед встречает своих скворцов. Я говорю своих, потому что это действительно его птицы. У него есть любимые скворцы — старые, мудрые птицы. Неторопливо они ходят возле дома, щеголяя своими пестрыми жилетами. Они мудрецы, они знают жизнь, и мне кажется, что каждое утро они поют песни благодарности моему деду.

Целый день скворцы возле нас. Мы пашем — они ходят за сверкающим лезвием плуга, сидим на завалинке — они рядом чистят свои крылья. Осенью скворцы улетают на юг, и дед ждет их с особым нетерпением. Прилетят или не прилетят? Кажется, это волнует его всерьез. Я-то отлично знаю, что они прилетят: куда им деться?

Дед выходит из дома, прислоняет руку к глазам и смотрит на чернеющее поле, на Финский залив во льдах — выбирает дерево, куда повесить новый скворечник.

Сорок лет дед проработал на кордоне лесником. За это время он точно определил, что каждую весну сюда прилетает пять — шесть старых скворцов, а с ними один новичок. Для него дед и строит скворечник. Но куда же исчезли другие скворцы? Ведь за сорок лет их много перебивало на кордоне. Погибли они в пути или устроились в другом месте? Об этом никто не знал.

Я больше люблю ласточек за их стремительный полет. Это черное отблескивающее крыло и чудящийся свист рассекаемого воздуха, и резкий крик! Какая-то гордость есть в этой птице, жажда свободы. А скворец тянется к земле. Он важно ходит по грядкам нашего огорода, словно он, а не мы здесь хозяева, и его дело присматривать, как растет картофель и лук.

Эта весна задержалась дольше обычной. Она пришла только в апреле. Нехотя побежали ручьи, заиграли овражки, кругом закапало, засияло. В городе я уже видел скворцов, но к нам они не летели.

Дед давно сколотил скворечник и повесил его на березе круглым окошечком на восток. Появились желтенькие синички и куда-то исчезли — очень несерьезная птица. Мне было досадно за скворцов. Чем мы хуже города? Здесь для них стараешься, готовишься к встрече, как к чему-то важному в жизни, а они не летят. Видно, жидка птичья память, забыли они наше гостеприимство.

Дед заметно волновался. В первый раз скворцы изменяли весне. Деду было шестьдесят пять лет, а мне за двадцать. Я-то знал, что скворцы еще будут, а он мог подумать иное. Я слышал: ночью дед надевал полушубок и выходил на улицу. Даже здесь, в домике, за перегородами из тонких бревен, отчетливо различалось курлыканье пролетающих гусей. «На север, на север. Домой». Была

понятна их торопливость и взволнованность. Они соскучились по родным местам.

Днем дед подолгу пропадал в обходе, а вечером напрасно спешил на кордон. В сумерках молчаливо стояли деревья. Двор казался пустым и необжитым. Дед, не раздеваясь, ложился на кровать и тяжело вздыхал.

Но скворцы прилетели. И не пять — шесть, как всегда, а целая стая. Было отчего сбиться с ног, они заполнили всю опушку, и лес стал живой.

Дед стоял без шапки и говорил:

— Мои скворцы. Это все мои скворцы.

Мы стали спешно сколачивать домики. Несколько дней стучал в доме молоток, и шумел рубанок, и пол до колен был завален струж-

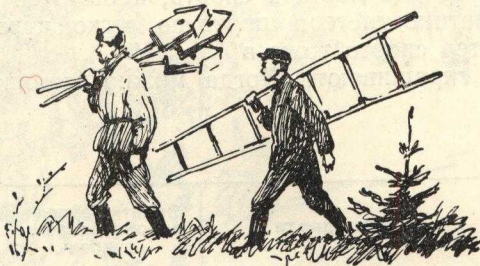
ками. Только сделать домики для всех скворцов деду не пришлось. Скворцов налетело такое множество, что для изготовления домиков нам бы пришлось открыть мастерскую и трудиться в ней дни и ночи. Мы бросили эту

затею, и скворцы, я думаю, были не в обиде. Они чувствовали себя великолепно и вили гнезда сами.

Они пели на восходе солнца песни, надувая свои горлышки, возились в огороде, словно ничего и не случилось.

Может, и прав был дед, когда говорил, что это все его старые скворцы вдруг собрались вместе и приле-

тели, а может, это были другие. И почему им было не поселиться у нас? Ведь другого такого места на свете не найти.



Знаешь ли ты,...

...что Советский павильон на Всемирной выставке в Брюсселе удостоен самой высокой награды — Золотой Звезды? Отдельным советским экспонатам присуждено 523 премии, в том числе «Больших призов» («Гран при») — 82, почетных дипломов — 79, золотых медалей — 118, серебряных — 134 и бронзовых — 110.

...что кино, обыкновенное, черное-белое, и даже цветное, можно передавать и принимать по телефону?

Не так давно в одной из лабораторий к обычной городской телефонной сети подключили магнитофон с записанным на нем при помощи электрических импульсов кинофильмом. На другом конце города набрали номер лаборатории, включили в телефонную розетку телевизор, и на экране начался цветной звуковой фильм.

...что в Центральном научно-исследовательском институте речного флота сконструирован прибор, заменяющий на судне рулевого? Волжский пассажирский дизель-электроход, снабженный таким прибором, успешно закончил навигацию, и никто из пассажиров даже не догадался, что кораблем управляет машина.

...сколько раз нужно разорвать тетрадный лист, чтобы получить частицу размерами... с атомом?

Думаешь, сотни тысяч или миллионы? Ничего подобного.

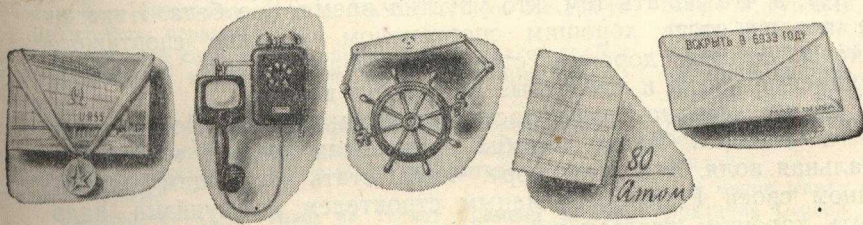
Математики подсчитали, что если бы удалось лист бумаги весом в 1 грамм разрезать ровно пополам, а половинку еще раз пополам, и еще, и еще... и так 80 раз, то в конце концов получилась бы частичка как раз атомного размера и веса.

Конечно, такое деление возможно только теоретически.

...что в 1939 году на территории Нью-Йоркской Всемирной выставки в землю была зарыта «бомба времени»?

Этот снаряд-посылка адресован тем, кто будет жить через пять тысяч лет. Цель его — ознакомить человека будущего с современной наукой, техникой и цивилизацией. В «бомбу» уложены образцы самых важных химических веществ и минералов, на узкой кинолентке, покрытой для сохранности лаком, отпечатана целая библиотека, состоящая из 11 миллионов слов. Тут и энциклопедии, и различные научные книги, словари на многих языках и художественная литература. В «бомбу» вложили множество бытовых предметов: часы, электрическую лампочку, трубку, табак, губную помаду, пудру, дамскую шляпку модели 1939 года, очки, зубную пасту, фотоаппарат, бритву, консервный нож, авторучку и многое-многое другое.

Время вскрытия «бомбы» — 6939 год!





Кто из вас не мечтает носить на груди заветный значок «Мастер спорта СССР»? Кто из вас не мечтает надеть алую майку с гербом СССР — форму сборной команды страны? Думаете, это удел только взрослых?

Ничего подобного! Стала же в 1954 году чемпионкой СССР по фигурному катанию Таня Лихарева. Тогда и получила она звание мастера спорта, а было ей 13 лет. Ирина Турова и Напион СССР по слалому и мастер спорта тоже в 15 лет!

Многие ребята в письмах спрашивают: «Когда можно начинать заниматься спортом?»

Посмотрите на таблицу:



Виды спорта	Занятия в под- готовительных группах	Начало тренировок	Участие в со- ревнованиях
Фигурное катание на коньках . . .	5—6 лет	7—8 лет	10 лет
Конькобежный и лыжный спорт .	7—8 лет	12 лет	13 лет
Слалом	8—9 лет	10—11 лет	12—13 лет
Хоккей	10 лет	12 лет	13 лет
Плавание	5—7 лет	7—8 лет	10 лет
Прыжки в воду . .		8—9 лет	13 лет
Теннис	7—8 лет	8—10 лет	11—12 лет
Легкая атлетика, баскетбол, акро- батика	8—9 лет	10—11 лет	12—13 лет
Волейбол		10 лет	13 лет
Спортивная гимна- стика		11—12 лет	13 лет
Велосипедный спорт	10 лет	12 лет	14 лет
Футбол		12 лет	13 лет
Водное поло и фех- тование	10 лет	12 лет	15 лет
Борьба и бокс . .		13—14 лет	15 лет
Шахматы	заниматься можно с 5—6 лет, участ- вовать в школьных турнирах с 10—11 лет		

Ну, а что делать тем, кто упустил время? Не беда. Никогда не поздно стать хорошим спортсменом. Детские спортивные школы, беговые дорожки стадионов, водная гладь бассейнов, теннисные корты и хоккейные поля ждут вас.

Не все, конечно, станут мастерами и чемпионами. Но дело ведь не в званиях! Важно, чтобы у вас были крепкие мускулы и стальная воля. Это дает спорт. Чтобы стать настоящим гражданином своей Родины, активным строителем коммунизма, надо быть хорошим спортсменом.



ПРАЗДНИК СЕВЕРА

На юге страны в конце марта весеннее солнце безжалостно разрушает катки и лыжни. А здесь, за Полярным кругом, еще зима. Саами — коренные жители Кольского полуострова — собрались на традиционный праздник Севера.

Тяжело поводья боками, стоят олени с нартой. А их хозяин — победитель — спешит поделиться со своими друзьями впечатлениями о прошедшей гонке. Не так-то просто быть первым!

У малышей свои соревнования. Весело скачет тройка улыбающихся «оленей», а за ними — будущий спортсмен.

К финишу стремительно приближаются олени, за которыми на длинных поводьях несутся лыжники. Болельщики волнуются: кто выйдет победителем, кто будет первым?

Фотокорреспондент тоже не теряет времени даром: сейчас, сейчас будет сделан долгожданный снимок!..

Толпа празднично одетых людей в малицах. Флаги. Транспаранты. Шум. Смех. Аплодисменты.

Закончились гонки лыжников с оленями, но никто не уходит. Впереди состязания лучших лыжников и конькобежцев страны...

В двух больших городах Заполярья — Мурманске и Кировске — проводится этот праздник северной весны. Даже в суровые годы Великой Отечественной войны, когда враг стоял у ворот Мурманска и глухие раскаты были слышны на всей дистанции гонок, спортсмены мерялись силами. Не много мастеров-лыжников участвовало тогда в соревнованиях. Война разбросала их по разным фронтам. Погиб смертью храбрых первый победитель праздника Севера мастер спорта Иван Гусев...

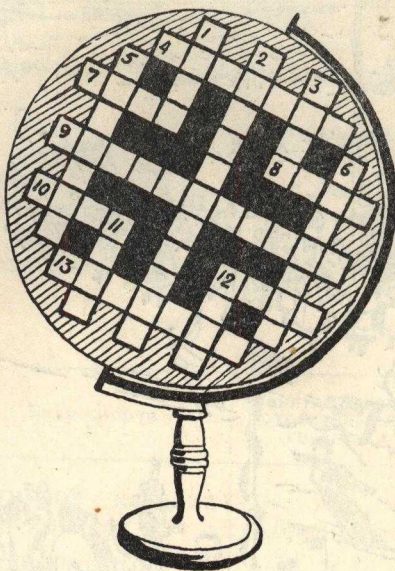
В конце марта этого года состоится XXV юбилейный праздник Севера. Сильнейшие спортсмены страны примут участие в этом соревновании.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

Составил Володя Костин из поселка Гремиха, Мурманской области.

По вертикали: 1. Приток Волги. 2. Крупный порт Советской Прибалтики. 3. Город в Забайкалье. 5. Зависимое государство. 6. Залив Балтийского моря. 11. Представитель населения стран Ближнего и Среднего Востока. 12. Ветер в береговой полосе, дующий днем с моря на сушу, а ночью, наоборот — с суши на море.

По горизонтали: 4. Крупный остров у восточных берегов Азии. 7. Возвышенность. 8. Часть света. 9. Областной центр в восточной части РСФСР. 10. Столица союзной республики. 12. Двухмачтовое парусное судно с прямыми парусами. 13. Известный советский полярный исследователь.

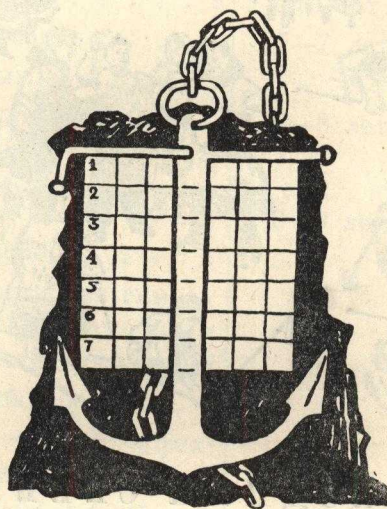


ВПИСАТЬ И ПРОЧЕСТЬ

Составил Женя Архипов из Ленинграда.

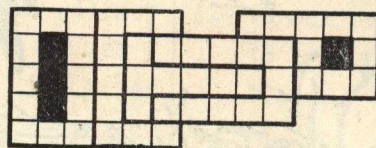
Впишите в горизонтальные ряды клеток значения следующих слов: 1. Короткий брус в носовой части судна для подъема якорей. 2. Небольшое мелкосидящее несамоходное судно баржевого типа. 3. Старое судно, приспособленное для жилья, хранения запасов и т. п. 4. Соединение военных кораблей. 5. Причальный трос. 6. Прибрежное плавание между портами одного государства. 7. Направление, перпендикулярное курсу судна.

Если вы правильно найдете значения слов, то в среднем вертикальном ряду прочтете фамилию знаменитого русского адмирала.



В «НОСТРЕ» № 1 КТО ПЕРВЫЙ?

1. Обе дистанции равны.
2. Задача решается с помощью пробного построения. Десять человек строятся в колонну, как придется, без соблюдения какого бы то ни было чередования мальчиков и девочек, но при этом каждый запоминает свой «номер». Затем колонна перестраивается в шеренгу так, как указывалось в условии задачи: первый — в шеренгу, второй — в хвост колонны, и т. д. Тогда в шеренге «номера» будут чередоваться так: 1, 3, 5, 7, 9, 2, 6, 10, 8, 4. Следовательно, в колонне мальчикам должны принадлежать 1, 5, 9, 6 и 8 места, девочкам — 3, 7, 2, 10 и 4.
3. Доску следовало разрезать, как показано на рисунке.



4. Упражнение делается так: руки вперед, вверх, в стороны, вниз. Из букв в клеточках складывается: «С постели утром слазьте-ка, вас всех зовет гимнастика».
5. Конькобежец-фигурист прочел книгу Войнич «Овод».
6. Устройство из двух палок и веревки, подобно системе блоков, дает девочке выигрыш в силе приблизительно в шестнадцать раз.
7. В ребусе зашифровано: «Вставь на лыжи, на коньки, настали зимние деньки».

Редактор **Н. С. Косарева**
Редакционная коллегия: **В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова**

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Корректор **В. Г. Любичаев**

Технический редактор
А. А. Дворяковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. ЖЗ-23-63, комм. ЖЗ-72-12.

М-21651.

Подписано к печати 14/II 1959 г.

Тираж 170 000 экз.

Формат 84×108¹/₁₆.

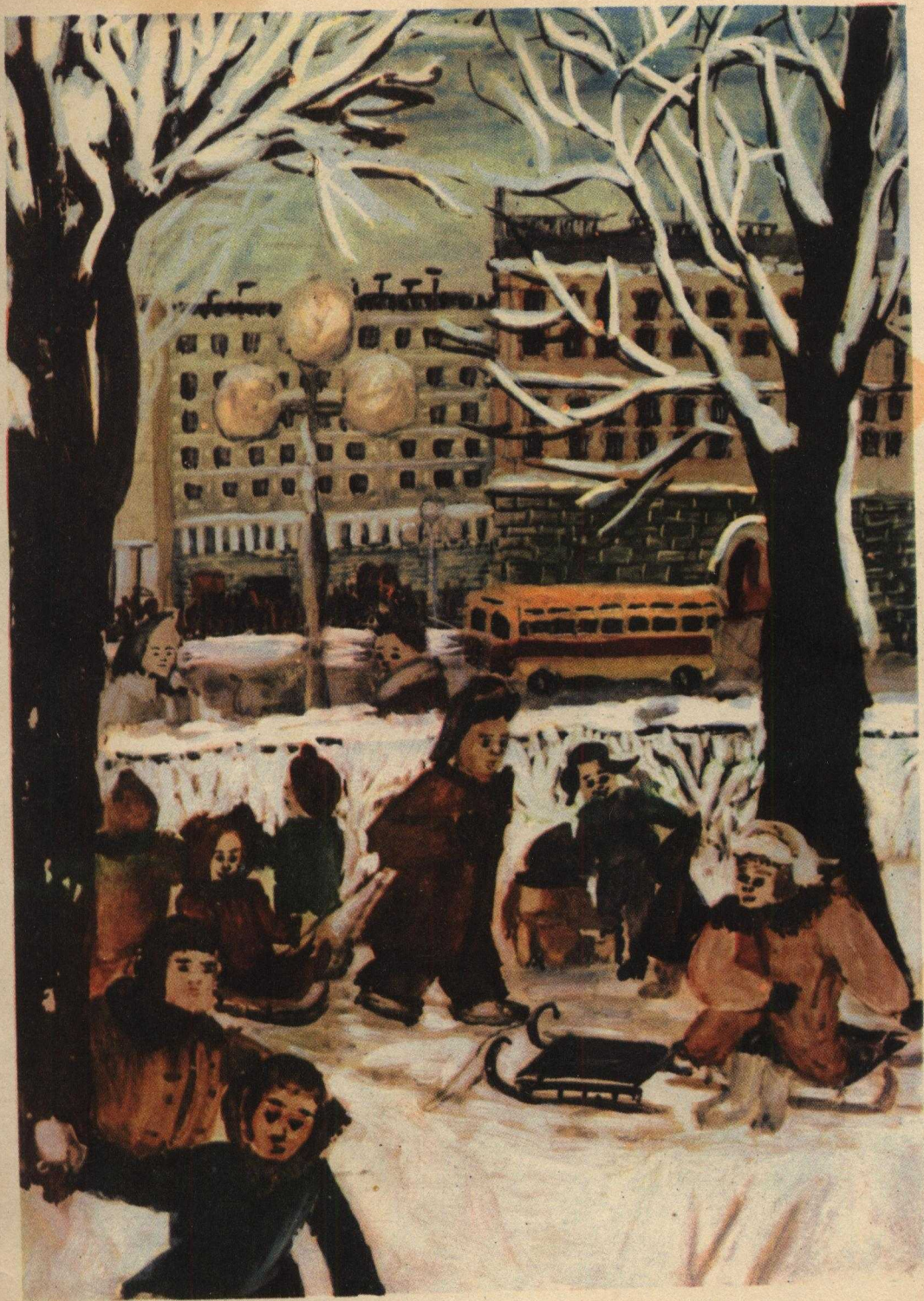
Заказ № 30

Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.

Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.



ЗИМА

Таня Мацко, 11 лет.



СКАЗКА

Таня Мацко, 11 лет.